

Правовые позиции Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2019 г. О правовых позициях Конституционного Суда РФ по вопросам: борьба с коррупцией; надзор (контроль) за деятельностью НКО; защита добросовестных приобретателей имущества; право на суд присяжных; порядок проведения публичных мероприятий и др.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2019 г.

В настоящем разделе представлены подготовленные Секретариатом Конституционного Суда информационно-тематические подборки правовых позиций Конституционного Суда.

В научной литературе есть разные определения "правовых позиций Конституционного Суда". При составлении данного материала в таком качестве рассматривались высказанные в его постановлениях и определениях аргументированные суждения и относительно содержания положений Конституции Российской Федерации, и относительно конституционного смысла положений нормативных правовых актов. Они имеют значение в деятельности самого Конституционного Суда как основания принимаемых им в дальнейшем решений. Также они являются ориентиром для нормотворческих органов и правоприменителей.

Отбор тем для информационно-тематических подборок правовых позиций проводится в соответствии с критерием общественной значимости, возможного интереса для широкого круга граждан. Их состав будет пополняться.

Подборки не претендуют на отображение исчерпывающего состава правовых позиций по соответствующей теме: представлены наиболее значимые, по мнению составителей, из них. Решения Конституционного Суда, в которых содержатся правовые позиции по отдельным вопросам, даны в хронологическом порядке. В основном упор сделан на правовые позиции последнего времени, хотя нередко они имеют основу в более ранних решениях.

Борьба с коррупцией¹

по состоянию на февраль 2019 года

Определение от 19 июня 2012 года N 1169-О/2012

Пункт 2, абз. 3:

Установление в законе наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений коррупционного характера [...] согласуется с положениями Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года [...] которые предусматривают в целях обеспечения выполнения договаривающимися сторонами обязательств по защите демократических институтов и ценностей, предупреждению, искоренению коррупции и формированию антикоррупционной политики установление временного запрета на занятие определенных должностей в публичном и частном секторах лицами, осужденными за преступления коррупционного характера [...].

Определение от 25 февраля 2013 года N 334-О/2013

Пункт 2, абз. 5:

[...] [Установление в Федеральном законе "О противодействии коррупции" обязанности работодателя сообщать в десятидневный срок представителю нанимателя (работодателю)

государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы о заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с гражданином, замещавшим определенные должности государственной или муниципальной службы, в течение двух лет после его увольнения с государственной или муниципальной службы] направлено на повышение эффективности противодействия коррупции и основывается на принципах приоритетного применения мер по предупреждению коррупции и комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер для борьбы с этим явлением. [...] Тем самым данная норма ориентирована на обеспечение безопасности государства, а потому не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан.

Постановление от 10 октября 2013 года N 20-П/2013

Пункт 2.2, абз. 1:

Правовая демократия, чтобы быть устойчивой, нуждается в эффективных правовых механизмах, способных охранять ее от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой во многом основывается на доверии общества. Создавая соответствующие правовые механизмы, федеральный законодатель вправе установить повышенные требования к репутации лиц, занимающих публичные должности, с тем чтобы у граждан не рождались сомнения в их морально-этических и нравственных качествах и, соответственно, в законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти, в том числе использовать для достижения указанных целей определенные ограничения пассивного избирательного права.

Определение от 14 января 2014 года N 94-О/2014

Пункт 2, абз. 6:

[...] правовое регулирование [предусматривающее, что непредставление лицами, замещающими должности государственной службы, работниками органов и учреждений прокуратуры, сотрудниками органов внутренних дел, таможенных органов, судебными приставами, военнослужащими и др. сведений (представление заведомо недостоверных или неполных сведений, представление заведомо ложных сведений) о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей является основанием для освобождения таких лиц от замещаемой должности, увольнения с замещаемой должности, либо для применения к ним иных мер юридической ответственности], направленное на предотвращение и преодоление коррупции, обусловлено спецификой государственной службы, поступая на которую гражданин реализует право на свободное распоряжение своими способностями к труду (статья 37, часть 1, Конституции Российской Федерации) и добровольно избирает профессиональную деятельность, предполагающую наличие определенных запретов и обязанностей, связанных с реализацией особых, публично-правовых полномочий. Специфика государственной службы как профессиональной деятельности по обеспечению исполнения полномочий государственных органов предопределяет правовой статус государственных служащих, исходя из особенностей которого, обусловленных характером выполняемой ими деятельности и предъявляемыми к ним квалификационными требованиями, законодатель вправе в рамках своей дискреции определять с помощью специального правового регулирования права и обязанности государственных служащих, налагаемые на них ограничения, связанные с государственной службой, а также предоставлять им соответствующие гарантии с учетом задач, принципов организации и функционирования того или иного вида государственной

службы и, следовательно, требует в соответствующем правовом регулировании соблюдения баланса частных и публичных интересов. [...]

Постановление от 29 ноября 2016 года N 26-П/2016

Пункт 3, абз. 5, 6:

[] Свойственный государственной службе, равно как и муниципальной службе публично-правовой характер предполагает открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, объективность государственных и муниципальных служащих при принятии решений, беспристрастность и отсутствие личной заинтересованности при исполнении служебных обязанностей, исключение в их деятельности злоупотреблений предоставленными полномочиями, чем обусловливается повышенное внимание государства и общества как к профессиональным, так и к морально-нравственным качествам лиц, на которых возложено осуществление публичных функций.

Специфика публичной службы предопределяет особый правовой статус государственных (муниципальных) служащих и, соответственно, необходимость специального правового регулирования, вводящего для государственных (муниципальных) служащих определенные ограничения, запреты и обязанности, наличие которых компенсируется предоставляемыми им гарантиями и преимуществами. [...]

Пункт 4.1, абз. 4:

[...] принятие Российской Федерацией правовых мер, направленных на предупреждение коррупции и незаконного личного обогащения, включая возможность изъятия по решению суда имущества, приобретенного на незаконные доходы, согласуется с признаваемыми на международном уровне стандартами борьбы с коррупцией.

Пункт 4.2, абз. 3:

[...] обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, принадлежащего государственному (муниципальному) служащему и перечисленным в законе членам его семьи, в случае, если оно приобретено на доходы, законность которых не подтверждена, будучи ограничением конституционного права собственности, введенным федеральным законодателем в целях противодействия коррупции, как таковое направлено на защиту конституционно значимых ценностей и не нарушает требования Конституции Российской Федерации. [...]

Пункт 5.3, абз. 3:

[...] в отдельных случаях - особенно если при выявлении несоответствия расходов государственного (муниципального) служащего, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей за определенный период их общему доходу доля доходов, законность которых не доказана, оказывается незначительной - изъятие в целом имущества, происхождение которого презюмируется как незаконное, может повлечь в нарушение статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации несоразмерное целям борьбы с коррупцией ограничение прав указанных лиц, что, принимая во внимание право соответствующего собственника доказывать факт приобретения того или иного имущества на законные доходы, не исключает и право суда с учетом фактических обстоятельств конкретного дела обращать в доход государства только ту часть имущества, законность приобретения которой не доказана.

Пункт 5.5, абз. 2:

[] в случае, когда имущество, в отношении которого не доказана законность происхождения доходов, направленных на его приобретение, было реализовано собственником с целью избежать применения соответствующих мер, а полученные от реализации указанного имущества средства фактически выступают его денежным эквивалентом, изъятие этих средств не может рассматриваться как свидетельствующее о расширительном толковании закона. []

Пункт 5.5, абз. 3:

[...] **статья 17** Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" не препятствует обращению заявителя на денежные средства, полученные государственным (муниципальным) служащим и членами его семьи от реализации имущества, в отношении которого не подтверждена законность происхождения доходов, направленных на его приобретение, - иное истолкование являлось бы неоправданным и не согласующимся с конституционно значимыми целями законодательного регулирования в сфере противодействия коррупции допущением возможности уклонения государственного (муниципального) служащего от неблагоприятных последствий в виде изъятия имущества и с неизбежностью приводило бы к существенному снижению эффективности осуществленного федеральным законодателем правового регулирования вопреки его действительной воле.

Определение от 6 июня 2017 года N 1163-О/2017

Пункт 2, абз. 5:

Возлагая на государственных гражданских служащих обязанность представлять сведения о своих доходах и расходах, а также о доходах и расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, федеральный законодатель, действующий в рамках имеющейся у него достаточно широкой дискреции, вправе самостоятельно устанавливать правовой механизм осуществления контроля за соответствием расходов таких лиц их общему доходу в целях предупреждения незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции, и тем самым эффективного противодействия коррупции. При этом такой механизм и практика его реализации во всяком случае должны отвечать требованиям юридической обоснованности, поддержания баланса публичных и частных интересов и не приводить к умалению самого существа конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Пункт 4, абз. 5:

[] в контексте особых правовых мер, направленных на предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции, и тем самым на эффективное противодействие коррупции, возможность проведения в рамках контроля за расходами на приобретение дорогостоящих объектов гражданского оборота мониторинга доходов государственного гражданского служащего и его супруги (супруга) за период, предшествующий **вступлению в силу** Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам", а равно обращения в доход Российской Федерации имущества, приобретенного по сделкам, совершенным с 1 января 2012 года, - притом что в отношении такого имущества указанным лицом не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, - отвечает предназначению правового регулирования в этой сфере, направленного на защиту конституционно значимых ценностей, и не нарушает баланс публичных интересов борьбы с коррупцией и частных интересов государственных гражданских служащих, доходы которых не связаны с коррупционной деятельностью.

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

Высшая сила Конституции и взаимоотношение с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней¹

по состоянию на февраль 2019 года

Конституция Российской Федерации

Статья 15

"1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации[...]

4. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора."

Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 N 27-П

Пункт 3.1, абз. 2-4:

выявление неконституционных законоположений и их исключение из числа действующих правовых норм может являться только совокупным результатом взаимодействия судов различных видов юрисдикции с учетом разграничения их компетенции, предполагающего, с одной стороны, реализацию судом общей юрисдикции правомочия поставить вопрос о конституционности соответствующих норм перед Конституционным Судом Российской Федерации, а с другой - обязанность Конституционного Суда Российской Федерации окончательно разрешить этот вопрос.

Соответственно, пункт 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации во взаимосвязи с частями первой и четвертой его статьи 11 не могут рассматриваться как препятствующие суду общей юрисдикции, осуществляющему производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного постановления по заявлению лица, в отношении которого Европейским Судом по правам человека было констатировано нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обусловленное применением в его деле положений законодательства Российской Федерации, приостановить производство и обратиться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке их соответствия Конституции Российской Федерации.

Вынесение в таких случаях судом общей юрисдикции решения по результатам рассмотрения заявления о пересмотре вступившего в законную силу судебного постановления в порядке пункта 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации без предварительного обращения в Конституционный Суд Российской Федерации означало бы, что в практике судов общей юрисдикции допускается возможность различной оценки конституционности одних и тех же законоположений и тем самым - в нарушение требований Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 3, 4, 15 и 76, - ставится под сомнение верховенство Конституции Российской Федерации, обладающей в правовой системе Российской Федерации высшей юридической силой по отношению к любым правовым актам, действующим на территории Российской Федерации.

Пункт 3.2, абз. 4, 5:

содержащийся в окончательном постановлении Европейского Суда по правам человека вывод о нарушении прав заявителя, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, положениями российского законодательства, примененными в его конкретном деле, может свидетельствовать о неопределенности в вопросе о соответствии этих законоположений Конституции Российской Федерации, что, в свою очередь, может являться

основанием [] для возбуждения конституционного судопроизводства.

В таких случаях тот факт, что ранее Конституционный Суд Российской Федерации признал жалобу гражданина не отвечающей критерию допустимости в связи с отсутствием нарушения его конституционных прав законоположениями, примененными в его конкретном деле, не может служить препятствием для принятия им к рассмотрению запроса суда общей юрисдикции, который по заявлению того же гражданина осуществляет в порядке [пункта 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации](#) пересмотр вступившего в законную силу судебного постановления, основанного на этих законоположениях, которым Европейским Судом по правам человека была дана оценка как влекущих нарушение [Конвенции](#) о защите прав человека и основных свобод. При этом, если в ходе конституционного судопроизводства рассматриваемые законоположения будут признаны не противоречащими [Конституции](#) Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации [] в рамках своей компетенции определяет возможные конституционные способы реализации постановления Европейского Суда по правам человека.

[Постановление от 23 сентября 2014 года N 24-П/2014](#)

[Пункт 1.3, абз. 3:](#)

[] к компетенции Европейского Суда по правам человека, как субсидиарного по своему характеру межгосударственного судебного органа по разрешению конкретных дел, не относится осуществление нормоконтроля, т.е. проверка внутривнутригосударственного законодательства на предмет его соответствия [Конвенции](#) о защите прав человека и основных свобод. С учетом этого и исходя из принципов верховенства, высшей юридической силы и прямого действия Конституции Российской Федерации, закрепленных ею в качестве основ конституционного строя Российской Федерации ([статья 4, часть 2](#); [статья 15, части 1 и 2](#)), нельзя признать обоснованным и представление об инстанционной и содержательной взаимозависимости постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, который осуществляет проверку конституционности норм закона, примененных в конкретном деле судом, и Европейского Суда по правам человека, который устанавливает наличие нарушения в этом деле прав и свобод, получивших закрепление в [Конвенции](#) о защите прав человека и основных свобод. Что касается возможных расхождений в позициях Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, то их возникновение [] предполагает обращение к соответствующим процессуальным механизмам преодоления такого рода коллизий.

[Постановление от 14 июля 2015 года N 21-П/2015](#)

[Пункт 2.1, абз. 5:](#)

[...] В силу статей 46 ([части 1 и 3](#)), 120 ([часть 1](#)), [125](#) и [126](#) Конституции Российской Федерации [...] дополнительная к национальному механизму судебной защиты прав человека [...] роль Европейского Суда по правам человека в Российской Федерации предопределяется необходимостью осуществления судебной защиты в первую очередь всеми судами Российской Федерации, включая Верховный Суд Российской Федерации [...], а также Конституционный Суд Российской Федерации (который как высший судебный орган конституционного контроля рассматривает дела по жалобам граждан на нарушение конституционных прав и свобод законом, примененным национальными судами в конкретном деле).

[Пункт 2.2, абз. 1, 2:](#)

Поскольку [Конвенция](#) о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации является составной частью ее правовой системы, постольку государство обязано исполнять вынесенное на основании положений [Конвенции](#) постановление

Европейского Суда по правам человека по жалобе против России в отношении участвующих в деле лиц и в рамках конкретного предмета спора. При этом реализация предусматриваемых постановлением Европейского Суда по правам человека мер как индивидуального (individual), так и общего (common) характера должна осуществляться в соответствии со статьей 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации также на началах признания такого постановления составной частью российской правовой системы.

Вместе с тем, как следует из Конституции Российской Федерации, ее статей 4 (часть 1), 15 (часть 1) и 79, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации и недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации.

Пункт 2.2, абз. 4:

[...] в ситуации, когда самим содержанием постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе в части обращенных к государству-ответчику предписаний, основанных на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод, интерпретированных Европейским Судом по правам человека в рамках конкретного дела, неправомерно - с конституционно-правовой точки зрения - затрагиваются принципы и нормы Конституции Российской Федерации, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции Российской Федерации.

Пункт 3, абз. 5-9:

[...] Россия, по смыслу статей 15 (части 1 и 4), 79 и 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации, не вправе заключать международные договоры, не соответствующие Конституции Российской Федерации, а правила международного договора, если они нарушают конституционные положения, имеющие, несомненно, особо важное для России значение, не могут и не должны применяться в ее правовой системе, основанной на верховенстве Конституции Российской Федерации, обязанностью органов государственной власти при имплементации международных договоров, предполагающей соотнесение законодательства Российской Федерации с ее обязательствами по международным договорам, являются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, как они определены Конституцией Российской Федерации, и недопущение нарушений основ конституционного строя.

При этом, однако, не исключается, что международный договор, который при присоединении к нему Российской Федерации как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придававшемуся ему в процессе применения межгосударственным органом, уполномоченным на это самим международным договором, соответствовал Конституции Российской Федерации, впоследствии посредством одного лишь толкования (особенно при достаточно высокой степени абстрактности его норм, присущей, в частности, Конвенции о защите прав человека и основных свобод) был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина, а также к основам конституционного строя, в том числе государственному суверенитету и высшей юридической силе Конституции

Российской Федерации.

В свою очередь, безусловное исполнение Россией решений межгосударственного органа, принятых на основании такого международного договора в не согласующемся с [Конституцией](#) Российской Федерации истолковании, могло бы повлечь нарушение ее положений, которое в данном случае (учитывая презумпцию осведомленности органов, специально уполномоченных международным договором на рассмотрение вопросов, касающихся защиты прав и свобод граждан, о содержании действующих конституций государств - участников международного договора) является, несомненно, явным, т.е. объективно очевидным для любого субъекта международного права, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой...

Вместе с тем, поскольку выражение Российской Федерацией согласия на обязательность для нее международного договора в нарушение того или иного положения [Конституции](#) Российской Федерации может выявиться только после принятия уполномоченным межгосударственным органом решения, основанного на истолковании конкретной нормы данного международного договора в смысле, приводящем к ее несогласованности с соответствующим положением Конституции Российской Федерации, речь в таких случаях идет не о действительности или недействительности для России международного договора в целом, а лишь о невозможности соблюдения обязательства о применении его нормы в истолковании, приданном ей уполномоченным межгосударственным органом в рамках рассмотрения конкретного дела.

[...] это означает, что решение уполномоченного межгосударственного органа, в том числе постановление Европейского Суда по правам человека, не может быть исполнено Российской Федерацией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера, если толкование нормы международного договора, на котором основано это решение, нарушает соответствующие положения [Конституции](#) Российской Федерации.

[Пункт 5.3, абз. 1-3:](#)

Если постановление Европейского Суда по правам человека, вынесенное по жалобе против России, основано на толковании положений [Конвенции](#) о защите прав человека и основных свобод, приводящем к их противоречию с Конституцией Российской Федерации, такое постановление - по смыслу статей 4 ([часть 2](#)), 15 ([части 1 и 4](#)), 16 ([часть 2](#)) и 79 Конституции Российской Федерации - не может быть исполнено. Соответственно, если органы государственной власти Российской Федерации, к компетенции которых относится обеспечение применения Конвенции как международного договора Российской Федерации, приходят к выводу о том, что такое противоречие имеет место и что действия и решения, которые требуются для исполнения постановления Европейского Суда по правам человека, могут привести к нарушению положений Конституции Российской Федерации, встает вопрос о действительном смысле этих положений в контексте возникшего противоречия и международных обязательств России.

Данный вопрос, как следует из статей 118 ([часть 2](#)) и 125 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 15 ([части 1 и 4](#)) и 79, по своей юридической природе подлежит разрешению в порядке конституционного судопроизводства. По смыслу действующего правового регулирования, это возможно посредством толкования соответствующих положений Конституции Российской Федерации, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации по официальному запросу уполномоченных субъектов в целях устранения неопределенности в понимании этих положений применительно к возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения [Конвенции](#) о защите прав человека и основных свобод ([статья 125, часть 5](#), Конституции Российской Федерации; [глава XIV](#) Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации").

Причем как инструмент обеспечения верховенства и высшей юридической силы [Конституции](#) Российской Федерации такое толкование может применяться и в том случае, если исполнение (в части принятия мер индивидуального и общего характера) вынесенного по жалобе против России постановления Европейского Суда по правам человека осуществляется (может

осуществляться) и без участия судов.

Постановление от 19 апреля 2016 года N 12-П/2016

Пункт 4.2, абз. 1:

Конституционно-правовые коллизии, связанные с толкованием и имплементацией отдельных положений **Конвенции** о защите прав человека и основных свобод как международного договора Российской Федерации в ее правовую систему, необходимо рассматривать и разрешать в контексте обстоятельств и условий, на которых Россия ее подписала и ратифицировала.

Пункт 4.2, абз. 3:

[...] основанные на интерпретации **Конвенции** о защите прав человека и основных свобод постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе содержащие предложения о необходимости внесения каких-либо изменений в национальные правовые нормы, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации, а потому - в контексте ее статьи 15 (**части 1 и 4**) - подлежат реализации на основе принципа верховенства и высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации в правовой системе России, составной частью которой являются международно-правовые акты. К числу таких актов относится и сама Конвенция о защите прав человека и основных свобод, которая в качестве международного договора Российской Федерации обладает в правоприменительном процессе большей юридической силой, чем федеральный закон, но не равной и не большей, чем юридическая сила Конституции Российской Федерации.

Пункт 5.2, абз. 6:

Исходя из того что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации, а законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны ей противоречить (**статья 15, часть 1**, Конституции Российской Федерации), суды, приговаривая лицо к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления хотя и небольшой тяжести, но при наличии отягчающих обстоятельств, обязаны принимать во внимание тот факт, что такой приговор будет означать для осужденного и предписываемое статьей 32 (**часть 3**) Конституции Российской Федерации ограничение его избирательных прав.

Постановление от 19 января 2017 года N 1-П/2017

Пункт 2, абз. 3:

[...] взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами служит основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм **Конвенции** о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правопорядке. Признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно **Конституция** Российской Федерации.

Пункт 2, абз. 5:

Разрешая вопрос о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам

человека как межгосударственного субсидиарного органа по защите прав и свобод человека, Конституционный Суд Российской Федерации должен в соответствии с международными обязательствами России находить разумный баланс, с тем чтобы принятое им решение, с одной стороны, отвечало бы букве и духу постановления Европейского Суда по правам человека, а с другой - не вступало бы в противоречие с основами конституционного строя Российской Федерации и установленным Конституцией Российской Федерации правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина.

Пункт 2, абз. 8, 9:

[...] если Европейский Суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения конкретного дела Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, нормам которой присуща высокая степень абстрактности, придал какому-либо используемому в ней понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществил толкование вопреки объекту и целям самой Конвенции о защите прав человека и основных свобод, несовместимое с национальным конституционным правопорядком, то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказаться от его исполнения, как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя этим государством при ратификации Конвенции.

Соответственно, постановление Европейского Суда по правам человека не может считаться обязательным для исполнения Российской Федерацией, если конкретное положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на которое опирается это постановление, в результате толкования, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, по своему смыслу вступает в противоречие с имеющими свои основания в международном публичном порядке и формирующими национальный публичный порядок положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина и к основам конституционного строя России.

Пункт 2, абз. 10:

Обязанностью органов государственной власти Российской Федерации при имплементации международных договоров, базирующейся на верховенстве ее Конституции и предполагающей соотнесение законодательства Российской Федерации с ее обязательствами по международным договорам, являются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, как они определены Конституцией Российской Федерации, и недопущение нарушений основ конституционного строя. В контексте указанных положений Венской конвенции о праве международных договоров это означает, что в ситуации, когда самим содержанием решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, в том числе в части обращенных к России как государству-ответчику предписаний, основанных на положении соответствующего международного договора, интерпретированном в рамках конкретного дела, неправомерно - с конституционно-правовой точки зрения - затрагиваются основополагающие принципы и нормы Конституции Российской Федерации, Россия в порядке исключения вправе отступить от выполнения возлагаемых на нее этим решением обязанностей, если такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения Конституции Российской Федерации.

Пункт 2, абз. 11:

[...] Конституционный Суд Российской Федерации не может поддержать данное Европейским Судом по правам человека толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, если именно Конституция Российской Федерации (в том числе в ее истолковании Конституционным Судом Российской Федерации) как правовой акт, обладающий высшей юридической силой в правовой системе России, более полно по сравнению с соответствующими положениями Конвенции в их понимании Европейским Судом по правам человека обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в балансе с правами и свободами иных лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации). Подобное отступление может иметь место в исключительных случаях и при наличии достаточно веских причин, а именно при выявлении конвенционно-конституционных коллизий, которые, как

правило, касаются не столько основного содержания (существа) тех или иных прав и свобод как таковых, сколько их конкретизации посредством толкования в постановлениях Европейского Суда по правам человека, в том числе если результатом такого толкования является не мотивированное буквальным содержанием Конвенции о защите прав человека и основных свобод отрицание правовых конструкций, сложившихся в российской правовой системе в результате осуществления федеральным законодателем своих прерогатив, правомерность реализации которых подтверждена актами конституционного правосудия.

Пункт 2, абз. 12:

[...] в силу статей 4 (части 1 и 2), 15 (части 1 и 4), 16 и 79 Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации постановление Европейского Суда по правам человека не может быть исполнено Россией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера и в части присужденной компенсации, если толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором основано такое постановление, нарушает соответствующие положения Конституции Российской Федерации, относящиеся к правам и свободам человека и гражданина, а также к основам конституционного строя России.

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

Государственный надзор (контроль) за деятельностью некоммерческих организаций¹

по состоянию на февраль 2019 года

Определение от 24 февраля 2005 года N 84-О/2005

Пункт 2, абз. 4:

[...] учитывая, что при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы (пункт 2 статьи 21), само по себе представление прокурора не имеет абсолютный характер и силой принудительного исполнения не обладает, поскольку преследует цель понудить указанные в пункте 1 статьи 21 данного Федерального закона органы и должностных лиц устранить допущенные нарушения закона прежде всего в добровольном порядке. Требование о безусловном исполнении представления прокурора реализуется путем специальных процедур - вынесения самим прокурором постановления о возбуждении производства об административном правонарушении либо путем обращения в суд² [...].

Постановление от 8 апреля 2014 года N 10-П/2014

Пункт 3.1, абз. 4:

Признание конкретных российских некоммерческих организаций выполняющими функции иностранного агента, объективно обусловленное тем, что они реально вовлечены в установленную названным Федеральным законом систему правоотношений, связанных с получением денежных средств и иного имущества от иностранных источников, имеет своим предназначением их идентификацию в качестве специфического субъекта политической деятельности, осуществляемой

на территории Российской Федерации, и не означает указания на исходящую от данных организаций угрозу тем или иным государственным и общественным институтам, даже если они действуют по поручению и (или) в интересах соответствующих иностранных источников, а потому любые попытки обнаружить в словосочетании "иностраный агент", опираясь на сложившиеся в советский период и, по существу, утратившие свое значение в современных реалиях стереотипы, отрицательные контексты лишены каких-либо конституционно-правовых оснований.

Пункт 3.2, абз. 3:

[...] возложение на некоммерческие организации, получающие иностранное финансирование и участвующие в политической деятельности на территории Российской Федерации, обязанности в уведомительном порядке заявить о себе в качестве некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, по смыслу статей 2, 18, 24 (часть 2), 29 (часть 4) и 30 (часть 1) Конституции Российской Федерации, не может рассматриваться как несовместимое с конституционными целями и ценностями, поскольку оно направлено на обеспечение информированности всех заинтересованных лиц об участии иностранных субъектов (государств, организаций или индивидов) в денежной и (или) иной материальной поддержке некоммерческих организаций, принимающих участие в политической деятельности, имеющей целью оказание воздействия на содержание решений органов государственной власти и проводимую ими государственную политику, а также на формирование соответствующего общественного мнения.

Постановление от 17 февраля 2015 года N 2-П/2015

Пункт 5.2, абз. 3:

[...] допускается осуществление прокурорского надзора за исполнением законов не только в связи с конкретными обращениями (так называемые инцидентные основания) и, соответственно, не исключается возможность проведения прокурорских проверок, в том числе в отношении некоммерческих организаций, в инициативном порядке, основания и поводы для которых, тем не менее, не могут определяться произвольно, - они должны быть связаны с конкретными сведениями, указывающими на наличие в деятельности некоммерческой организации и ее должностных лиц признаков нарушений законов, притом что неопределенность в отношении правовой квалификации таких фактов не может быть устранена посредством взаимодействия органов прокуратуры с государственным органом, осуществляющим федеральный государственный надзор за деятельностью некоммерческих организаций.

Пункт 5.2, абз. 4:

[] автоматическое возбуждение прокурорской проверки в каждом случае наличия у органов прокуратуры конкретных сведений, позволяющих предполагать, что некоммерческая организация отступила в своей деятельности от требований законодательства, без предварительного использования ими возможностей, позволяющих выяснить существенные для правовой оценки деятельности некоммерческой организации обстоятельства посредством обращения к соответствующему государственному органу, создавало бы необоснованные препятствия для ее нормальной работы.

Пункт 5.2, абз. 5:

[...] поскольку осуществление прокурором надзорной функции непосредственно затрагивает права и свободы проверяемых лиц, о начале проведения прокурорской проверки и о расширении в связи с выявленными признаками иных нарушений оснований ее проведения - в силу статьи 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации - должно выноситься самостоятельное мотивированное решение, подлежащее доведению до сведения проверяемой некоммерческой организации, по крайней мере, в момент начала проверки. [...]

Пункт 5.3, абз. 4:

[] требование прокурора о представлении [] руководителями [некоммерческих

организаций] и другими должностными лицами относящихся к существу прокурорской проверки конкретных документов и материалов следует считать правомерным, если такие документы и материалы не могут быть получены у других государственных органов или из открытых источников и не передавались ранее в рамках данной прокурорской проверки, притом что органы прокуратуры не вправе запрашивать документы, которые некоммерческая организация не обязана иметь в соответствии с законодательством, в том числе требовать формирования документов, не имеющих на момент предъявления такого требования, что не исключает их представления в добровольном порядке, равно как не исключается запрос о представлении документов, касающихся деятельности проверяемой организации на территории Российской Федерации и составленных на иностранном языке, в переводе на русский язык.

Пункт 5.4, абз. 3, 4:

[] проведение в отношении данной некоммерческой организации проверочных мероприятий повторно (т.е. в связи с теми же фактами, которым по итогам ранее проведенной проверки уже была дана или должна была быть дана правовая квалификация, при отсутствии каких-либо новых или вновь открывшихся обстоятельств) приводило бы к необоснованному и чрезмерному стеснению деятельности некоммерческой организации, что несовместимо с конституционными принципами взаимоотношений институтов гражданского общества и публичной власти и противоречит целям прокурорского надзора, вытекающим из **Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации"**.

Вместе с тем проведение в разумный срок после первоначальной прокурорской проверки, по итогам которой в деятельности некоммерческой организации были выявлены нарушения законов, проверки их устранения представляется обоснованным, поскольку при ином подходе, предполагающем оставление вопроса о выполнении некоммерческой организацией мер по приведению своей деятельности в соответствие с требованиями законодательства на усмотрение самой некоммерческой организации, ставилась бы под сомнение эффективность прокурорского надзора как такового, а также [] исключалась бы возможность контроля за деятельностью органа прокуратуры, проводившего первоначальную проверку, вышестоящим органом прокуратуры.

Пункт 5.4, абз. 6:

Привлечение прокурором представителей (сотрудников) органа, уполномоченного на осуществление федерального государственного надзора за деятельностью некоммерческих организаций, к участию в проверке исполнения законов конкретной некоммерческой организацией обусловлено необходимостью придания этим сторонним лицам правового статуса специалистов, компетентных в решении вопросов, которые возникли или могут возникнуть в ходе прокурорской проверки, и не влечет изменение ее характера как проводимой именно в порядке реализации органами прокуратуры возложенных на них функций прокурорского надзора. При этом участие в проведении прокурорской проверки представителей (сотрудников) других государственных органов допускается именно в целях осуществления вспомогательных (экспертно-аналитических) функций и не предполагает самостоятельного осуществления ими проверочных действий в интересах соответствующих государственных органов, равно как и иных отступлений от установленных законодательством ограничений периодичности проводимых ими плановых контрольных мероприятий в отношении некоммерческих организаций.

Пункт 6, абз. 4:

[...] наличие у прокурора возможности произвольно устанавливать временные границы исполнения своих требований и тем самым по собственному усмотрению определять в этой части порядок реализации закрепленных за ним властных полномочий не согласуется с принципом связанности органов прокуратуры законом и правом, вытекающим из Конституции Российской Федерации, ее статей 1 (**часть 2**), 2, 10, 11 (**часть 1**), 15 (**части 1 и 2**), 18 и 129, и создает условия для нарушения конституционных прав некоммерческих организаций и причастных к их деятельности лиц вследствие возложения на них объективно невыполнимых в установленный срок требований прокурора, законность которых - при отсутствии нормативно формализованных критериев

определения этого срока - не может быть подвергнута эффективному судебному контролю.

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

² Не выделялась в качестве позиции и скорее является толкованием, но представляется важным.

Защита добросовестных приобретателей имущества¹

по состоянию на февраль 2019 года

Конституция Российской Федерации

Статья 35

"1. Право частной собственности охраняется законом.

2. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами.

3. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. [...]"

Постановление от 21 апреля 2003 года N 6-П/2003

Пункт 2, абз. 3:

[...] права владения, пользования и распоряжения имуществом обеспечиваются не только собственникам, но и иным участникам гражданского оборота. В тех случаях, когда имущественные права на спорную вещь, возникшие на предусмотренных законом основаниях, имеют другие, помимо собственника, лица - владельцы и пользователи вещи, этим лицам также должна быть гарантирована государственная защита их прав. К числу таких имущественных прав относятся и права добросовестных приобретателей.

Пункт 3.1, абз. 7, 8:

[...] права лица, считающего себя собственником имущества, не подлежат защите путем удовлетворения иска к добросовестному приобретателю с использованием правового механизма, установленного [пунктами 1 и 2 статьи 167](#) ГК Российской Федерации. Такая защита возможна лишь путем удовлетворения виндикационного иска, если для этого имеются те предусмотренные [статьей 302](#) ГК Российской Федерации основания, которые дают право истребовать имущество и у добросовестного приобретателя (безвозмездность приобретения имущества добросовестным приобретателем, выбытие имущества из владения собственника помимо его воли и др.).

Иное истолкование положений [пунктов 1 и 2 статьи 167](#) ГК Российской Федерации означало бы, что собственник имеет возможность прибегнуть к такому способу защиты, как признание всех совершенных сделок по отчуждению его имущества недействительными, т.е. требовать возврата полученного в натуре не только когда речь идет об одной (первой) сделке, совершенной с нарушением закона, но и когда спорное имущество было приобретено добросовестным приобретателем на основании последующих (второй, третьей, четвертой и т.д.) сделок. Тем самым нарушались бы вытекающие из [Конституции](#) Российской Федерации установленные законодателем

гарантии защиты прав и законных интересов добросовестного приобретателя.

Постановление от 24 марта 2015 года N 5-П/2015

Пункт 6.1, абз. 1, 4 и 7:

[...] наряду с иными правовыми возможностями обеспечения прозрачности принадлежащих третьим лицам прав на жилое помещение весьма значимой гарантией информирования приобретателя данного жилого помещения об объеме передаваемых ему правомочий и обременений может являться государственная регистрация указанных прав, в том числе права пользования жилым помещением в доме жилищно-строительного кооператива, которое члены семьи его прежнего собственника приобрели на основании ордера.

[...] действующее законодательство исходит из принципа защиты добросовестных участников гражданского оборота, проявляющих при заключении сделки добрую волю, разумную осмотрительность и осторожность [...]. Исходя из этого применительно к правоотношениям по поводу купли-продажи жилого помещения положение статьи 35 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которому право частной собственности (а следовательно, и право собственности на приобретенное с публичных торгов жилое помещение) охраняется законом, не может быть интерпретировано как позволяющее игнорировать законные интересы приобретателя жилого помещения, реализуемого с публичных торгов и обремененного предоставленным ранее членам семьи его прежнего собственника правом пользования этим жилым помещением.

[...] статья 19 Федерального закона "О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации" не может рассматриваться в качестве надлежащей гарантии защиты прав участников гражданского оборота, действующих разумно и добросовестно, в той мере, в какой она позволяет сохранять при переходе права собственности на жилое помещение в случае обращения взыскания на него как на заложенное имущество и его реализации путем продажи с публичных торгов обременения данного права, притом что требование их государственной регистрации законодательно не установлено.

Пункт 6.2, абз. 4:

[...] судам при разрешении вопроса о возможности сохранения права пользования этим жилым помещением за членами семьи прежнего собственника, включенными в ордер на его предоставление в соответствии с ранее действовавшим законодательством, следует учитывать фактические обстоятельства конкретного дела, а именно: наличие у членов семьи прежнего собственника права пользования иным жилым помещением, разницу между суммой, вырученной в ходе реализации жилого помещения, и суммой взысканного долга, обеспеченного залогом, возможность использования этих средств для приобретения иного жилого помещения в собственность или его найма и т.д. При этом покупателю реализованного с публичных торгов в качестве предмета залога жилого помещения, право пользования которым будет сохранено за гражданами, включенными в ордер, должны быть обеспечены гарантии защиты его имущественных интересов.

Постановление от 4 июня 2015 года N 13-П/2015

Пункт 3.2, абз. 5, 6:

В [...] случаях, когда имущественный вред связан исключительно с противоправными действиями третьих лиц, - например, лиц, которые не имели права отчуждать квартиру по договору купли-продажи [...], т.е. причинителей вреда, признанных таковыми вступившим в законную силу судебным решением, установившим их обязанность возместить нанесенный вред, но с которых получить взыскание по исполнительному документу в течение установленного законом срока не

удалось, - государство не несет юридической (негативной) ответственности за причиненный собственнику (добросовестному приобретателю) имущества вред.

В то же время, имея в виду гарантирование стабильности гражданского оборота и необходимость защиты права частной собственности, государство вправе добровольно возложить на себя часть финансового бремени, вызываемого такими негативными последствиями. [...]

Пункт 3.3, абз. 2, 3:

[...] правовой механизм [выплаты разовой компенсации за счет казны Российской Федерации собственнику жилого помещения, который не вправе его истребовать от добросовестного приобретателя, а также добросовестному приобретателю, от которого было истребовано жилое помещение, установленный в [пункте 2 статьи 31.1](#) Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним",] [...] имеет своей целью не полное возмещение причиненного лицу ущерба, а частичную компенсацию возникших негативных последствий, стимулирование участия в обороте жилых помещений, а в некоторых случаях - также дополнительную гарантию права на жилище. [...]

Положения данной статьи, таким образом, в силу своего предназначения не требуют установления обстоятельств, свидетельствующих о совершении регистрирующими органами неправомερных действий, - подобные действия влекут ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, их должностными лицами, в соответствующем гражданско-правовом порядке.

Пункт 3.3, абз. 5:

[...] государство в указанном случае выступает не как сторона в отношениях юридической ответственности, не как причинитель вреда (что требовало бы полного возмещения причиненного вреда) и не как должник по деликтному обязательству, а как публичная власть, организующая систему компенсации за счет казны Российской Федерации собственникам жилого помещения, которые не могут его истребовать от добросовестных приобретателей, и добросовестным приобретателям, от которых было истребовано жилое помещение.

Постановление от 22 июня 2017 года N 16-П/2017

Пункт 3, абз. 8:

[...] добросовестным приобретателем применительно к недвижимому имуществу в контексте [пункта 1 статьи 302](#) ГК Российской Федерации в его конституционно-правовом смысле в правовой системе Российской Федерации является приобретатель недвижимого имущества, право на которое подлежит государственной регистрации в порядке, установленном законом, если только из установленных судом обстоятельств дела с очевидностью не следует, что это лицо знало об отсутствии у отчуждателя права распоряжаться данным имуществом или, исходя из конкретных обстоятельств дела, не проявило должной разумной осторожности и осмотрительности, при которых могло узнать об отсутствии у отчуждателя такого права. [...]

Пункт 4.1, абз. 5, 6:

При регулировании гражданско-правовых отношений между собственником выморочного имущества и его добросовестным приобретателем справедливым было бы переложение неблагоприятных последствий в виде утраты такого имущества на публично-правовое образование, которое могло и должно было предпринимать меры по его установлению и надлежащему оформлению своего права. В правовом демократическом государстве, каковым является Российская Федерация, пренебрежение требованиями разумности и осмотрительности при контроле над выморочным имуществом со стороны собственника - публично-правового образования в лице компетентных органов не должно влиять на имущественные и неимущественные права граждан, в частности добросовестных приобретателей жилых помещений.

Между тем [пункт 1 статьи 302](#) ГК Российской Федерации - как по своему буквальному

смыслу, так и по смыслу, придаваемому ему в системе действующего правового регулирования правоприменительной практикой, - фактически не учитывает возможность ненадлежащего исполнения компетентными органами публично-правового образования своих обязанностей, совершения ошибок, а также не отвечающей критериям разумности и осмотрительности реализации ими полномочий по установлению выморочного имущества и оформлению права на него. Применительно к жилым помещениям защита имущественных интересов публично-правового образования за счет ущемления интересов добросовестного приобретателя - гражданина, который возмездно приобрел соответствующее жилое помещение, в подобной ситуации недопустима, тем более учитывая, что публичный интерес в предоставлении жилого помещения по договору социального найма лицам, нуждающимся в улучшении жилищных условий, может быть удовлетворен за счет иного жилого помещения.

Пункт 4.3, абз. 6:

Необходимость обеспечения реального и эффективного действия института государственной регистрации на основе принципов, перечисленных в абзаце втором пункта 1 статьи 8.1 ГК Российской Федерации, не может не приниматься во внимание при истолковании норм об истребовании имущества из чужого незаконного владения, что должно предполагать особые условия (ограничения) виндикации недвижимого имущества, перешедшего в собственность публично-правового образования в порядке наследования по закону как выморочное, по иску публичного собственника, ссылающегося на то, что данное имущество выбыло из его владения помимо его воли. Соответственно, возможность истребования жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом, не должна предоставляться публично-правовому образованию - собственнику данного имущества на тех же условиях, что и гражданам и юридическим лицам. При разрешении соответствующих споров существенное значение следует придавать как факту государственной регистрации права собственности на данное жилое помещение за лицом, не имевшим права его отчуждать, так и оценке действий (бездействия) публичного собственника в лице уполномоченных органов, на которые возложена компетенция по оформлению выморочного имущества и распоряжению им. При этом действия (бездействие) публичного собственника подлежат оценке при определении того, выбыло спорное жилое помещение из его владения фактически помимо его воли или по его воле. Иное означало бы неправомерное ограничение и умаление права добросовестных приобретателей и тем самым - нарушение конституционных гарантий права собственности и права на жилище.

1 Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

Защита права собственности на изъятое в уголовном деле имущество¹

по состоянию на февраль 2019 года

Конституция Российской Федерации

Статья 35

1. Право частной собственности охраняется законом.
2. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами.
3. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда.

Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. [...]"

Постановление от 16 июля 2008 года N 9-П/2008

Пункт 2, абз. 6:

Конституционные гарантии охраны права частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, выражающие принцип неприкосновенности собственности, и конституционные гарантии судебной защиты распространяются как на сферу гражданско-правовых отношений, так и на отношения государства и личности в публично-правовой сфере. Это означает, что в случаях изъятия имущества у собственника, независимо от оснований такого изъятия (в том числе для обеспечения производства по уголовному делу), поскольку оно носит принудительный характер и предполагает наличие спора о праве на данное имущество, в обязательном порядке должен осуществляться эффективный судебный контроль.

Пункт 3.2, абз. 2:

[...] временное изъятие имущества, представляющее собой процессуальную меру обеспечительного характера и не порождающее перехода права собственности на имущество, не может расцениваться как нарушение права собственности, при том, что лицам, в отношении которых применяются подобного рода меры, обеспечивается закрепленное статьей 46 (часть 2) Конституции Российской Федерации право обжаловать соответствующие решения и действия в судебном порядке.

Пункт 3.2, абз. 4:

[] оценка судом законности и обоснованности изъятия у собственника или законного владельца того или иного имущества в связи с приобщением его к уголовному делу в качестве вещественного доказательства не может [] ограничиваться установлением формального соответствия закону полномочий применяющих данную меру должностных лиц органов предварительного расследования, - суд должен прийти к выводу, что иным способом обеспечить решение стоящих перед уголовным судопроизводством задач невозможно. В таких случаях должны приниматься во внимание как тяжесть преступления, в связи с расследованием которого решается вопрос об изъятии имущества, так и особенности самого имущества, в том числе его стоимость, значимость для собственника или законного владельца и общества, возможные негативные последствия изъятия имущества. В зависимости от указанных обстоятельств дознаватель, следователь и затем суд, решая вопрос о признании имущества вещественным доказательством, должны определять, подлежит ли это имущество изъятию либо, как следует из подпунктов "а" и "б" пункта 1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации, оно может быть сфотографировано, снято на видео- или киноплёнку и возвращено законному владельцу на хранение до принятия решения по уголовному делу.

Пункт 3.3, абз. 4:

[...] изъятие имущества у собственника или законного владельца допустимо без судебного решения только в тех случаях, когда такое изъятие как процессуальная мера обеспечительного характера является временным, не приводит к лишению лица права собственности и предполагает последующий судебный контроль; отчуждение же имущества, изъятых в качестве вещественного доказательства по уголовному делу, без судебного решения невозможно.

Постановление от 31 января 2011 года N 1-П/2011

Пункт 3, абз. 2:

[...] применение в отношении [лиц, несущих материальную ответственность лица за действия подозреваемого или обвиняемого] меры процессуального принуждения [в виде наложения ареста на имущество] с очевидностью предполагает установление личности подозреваемого, обвиняемого. В противном случае невозможно ни определить перечень принадлежащего подозреваемому, обвиняемому имущества, на которое в обеспечительных целях может быть наложен арест, ни установить лицо, несущее по закону материальную ответственность за его действия, чтобы при необходимости наложить арест и на имущество этого лица.

Пункт 3, абз. 5:

[...] положение [части первой статьи 115 УПК Российской Федерации](#), предусматривающее в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска наложение ареста на имущество лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого, означает, что арест может быть наложен на имущество лишь того лица, которое по закону несет за действия подозреваемого или обвиняемого материальную ответственность, вытекающую из причинения вреда.

Пункт 4, абз. 8:

[...] [часть третья статьи 115 УПК Российской Федерации](#) во взаимосвязи с [абзацем девятым пункта 1 статьи 126 Федерального закона "О несостоятельности \(банкротстве\)"](#) [] не предполагают наложение ареста на имущество должника, находящегося в процедуре конкурсного производства, либо сохранение ранее наложенного в рамках уголовного судопроизводства ареста на имущество должника после введения данной процедуры для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска в отношении отдельных лиц, являющихся конкурсными кредиторами.

Пункт 5.3, абз. 4:

[...] до приостановления предварительного следствия следователь обязан выполнить все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в том числе виновности причастных к преступлению лиц, и обстоятельств, подтверждающих, что арестованное имущество получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) ([часть вторая статьи 21, пункты 2 и 8 части первой статьи 73, часть пятая статьи 208 УПК Российской Федерации](#)). Осведомленность лица, являющегося собственником арестованного имущества, относительно указанных обстоятельств может являться основанием для его уголовного преследования ([часть пятая статьи 33, статьи 174, 174.1 и 175 УК Российской Федерации](#)) и признания соответствующего имущества вещественным доказательством ([статьи 81 и 82 УПК Российской Федерации](#)). Если же причастность такого лица к преступлению не установлена, в случае приостановления предварительного следствия по уголовному делу требуется рассмотрение уполномоченным органом вопроса об отмене наложения ареста на находящееся у него имущество или изменении содержания данной меры процессуального принуждения, с тем чтобы исключить или минимизировать его убытки, связанные с ограничениями права собственности.[...]

Постановление от 10 декабря 2014 года N 31-П/2014

Пункт 4.1, абз. 5, 6:

[...] возможность применения наложения ареста на имущество - как процессуальной меры, которая сама по себе не влечет переход права собственности на это имущество к государству или иным лицам и носит временный характер (на период предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу), - обуславливается тем, что, по общему правилу, наличие в

рамках уголовного дела обстоятельств, впоследствии влекущих изъятие имущества, на которое был наложен арест, может быть с достоверностью установлено только при постановлении обвинительного приговора.

Применительно к безналичным денежным средствам [] это означает, что полное восстановление прав и законных интересов потерпевшего по уголовному делу, в рамках которого обстоятельства, связанным с похищением с его счета и переводом на счета третьих лиц денежных средств, дается уголовно-правовая оценка, возможно лишь после того, как судом будет подтверждена обоснованность заявленных им имущественных требований.

Пункт 4.2, абз. 1:

[...] требование о недопущении совершения кредитной организацией банковских операций с находящимися на счете ее клиента денежными средствами, на которые в рамках производства по уголовному делу наложен арест, является мерой, достаточной для обеспечения их сохранности. Различия же в регулировании последствий наложения ареста на объекты вещных прав в порядке [части шестой статьи 115 УПК Российской Федерации](#) и на безналичные денежные средства в порядке [части седьмой](#) той же статьи обусловлены различной природой соответствующих объектов гражданских прав и не могут расцениваться как нарушающие Конституцию Российской Федерации, в том числе закрепленный ее [статьей 19 \(части 1 и 2\)](#) принцип равенства.

Пункт 5.1, абз. 3:

[...] поскольку арест имущества всегда несет риск наложения чрезмерных ограничений, отрицательные последствия которых с течением времени существенно усугубляются (притом что какой-либо специальный механизм возмещения убытков, причиненных собственнику арестованного имущества чрезмерно длительным ограничением его прав, [уголовно-процессуальным законом](#) не предусмотрен), для сохранения справедливого баланса между требованием соблюдения общих интересов и требованием защиты фундаментальных прав человека собственник должен располагать возможностью воспользоваться эффективными средствами правовой защиты, с тем чтобы понесенные им убытки не превышали действительно неизбежных, а сами ограничения не ставили под угрозу существование этих прав.

Пункт 5.2, абз. 3:

[...] положения [частей шестой и седьмой статьи 115 УПК Российской Федерации](#) не должны рассматриваться как препятствующие [в случаях, когда предварительное расследование по уголовному делу приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого] передаче безналичных денежных средств, на которые в рамках производства по уголовному делу наложен арест в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, на хранение на депозитный счет территориального органа Федерального казначейства либо, если обстоятельства данного уголовного дела позволяют, снятию с этих денежных средств наложенного на них ареста, равно как и разрешению в порядке гражданского судопроизводства по иску лица, признанного потерпевшим и гражданским истцом по уголовному делу, спора о принадлежности арестованных денежных средств, находящихся на счетах третьих лиц.

Определение от 11 октября 2016 года N 2164-О/2016

Пункт 3, абз. 4:

Исходя из того что лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, включая привлекаемых с их согласия к проведению оперативно-розыскных мероприятий, находятся под защитой государства, оно обязано обеспечить защиту их имущественных прав и интересов, в том числе путем возврата законным владельцам использованного в ходе оперативно-розыскных мероприятий имущества, а в случае причинения им имущественного ущерба - возместить таковой. [...]

Постановление от 7 марта 2017 года N 5-П/2017

Пункт 5.3, абз. 1:

[...] лишение обвиняемого (подсудимого), в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, принадлежащего ему на законных основаниях имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством, и, соответственно, прекращение права собственности обвиняемого (подсудимого) на это имущество могут производиться при отсутствии возражения обвиняемого (подсудимого) против прекращения уголовного дела по данному основанию и при условии разъяснения ему юридических последствий такого прекращения, включая конфискацию, а если такого согласия с его стороны, в том числе в части прекращения права собственности на указанное имущество, не получено - при вынесении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания.

Постановление от 11 января 2018 года N 1-П/2018

Пункт 4, абз. 6:

[...] полномочия органов предварительного следствия и дознания в отношении изъятия и определения порядка хранения вещественных доказательств - принимая во внимание имеющиеся у них возможности, включая возможность передать вещественное доказательство на ответственное хранение его законному владельцу, - должны использоваться таким образом, чтобы не нарушался баланс конституционно значимых ценностей, в том числе с учетом предназначения этого имущества.

Пункт 5, абз. 2, 3:

[...] финансовые, материальные и прочие потери собственников или владельцев изъятых имущества и других лиц, включая публично-территориальные образования, при изъятии предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности, могут значительно превышать последствия изъятия вещей той же стоимости, но иного целевого назначения. Следовательно, требуется специальный подход к разрешению в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности вопросов о признании указанных предметов вещественными доказательствами, их изъятии и удержании в режиме хранения, предполагающий, что такие изъятие и удержание должны быть скорее исключением, обусловленным обстоятельствами конкретного дела и особенностями этих предметов, в том числе информации, источниками которой они служат и которая необходима для раскрытия преступления.

[...] обязанность обосновать необходимость такого изъятия, в том числе при возникновении судебных споров по соответствующим вопросам, лежит на уполномоченных лицах органов предварительного следствия и дознания, причем одной только ссылки на то, что данный предмет обладает свойствами вещественного доказательства, недостаточно для обоснования необходимости его изъятия.

Пункт 5, абз. 5:

[...] изъятие и удержание в режиме хранения в качестве вещественных доказательств в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности и принадлежащих на законных основаниях лицам, не являющимся в этих уголовных делах подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (юридическим лицам,

которые не контролируются подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия), если для обеспечения сохранности таких вещественных доказательств не требуется их изъятие у собственников либо владельцев или допускается их незамедлительное возвращение последним на ответственное хранение после производства необходимых следственных действий, несоразмерно конституционно значимым ценностям ограничивали бы право частной собственности указанных лиц, а также их право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [...].

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

Индивидуализация юридической ответственности¹

по состоянию на февраль 2019 года

Конституция Российской Федерации

Статья 46

"1. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. []"

Статья 54

"1. Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

2. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон."

Постановление от 15 июля 1999 года N 11-П/1999

Пункт 5, абз. 6:

Принцип соразмерности, выражающий требования справедливости, предполагает установление публично-правовой ответственности лишь за виновное деяние и ее дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания. Указанные принципы привлечения к ответственности в равной мере относятся к физическим и юридическим лицам.

Постановление от 19 марта 2003 года N 3-П/2003

Пункт 1.3, абз. 4:

[] конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации принципам справедливости и гуманизма противоречило бы законодательное установление уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего преступление лица, и применение одинаковых мер ответственности за различные по степени общественной

опасности преступления без учета фактора интенсивности участия конкретного лица в преступлении, его поведения после совершения преступления и после отбытия наказания, если таковое уже назначалось ранее, иных характеризующих личность обстоятельств.

Постановление от 20 апреля 2006 года N 4-П/2006

Пункт 2, абз. 2:

[] характер и содержание устанавливаемых уголовным законом мер должны определяться исходя не только из их обусловленности целями защиты конституционно значимых ценностей, но и из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого эти меры применяются) тому вреду, который был причинен в результате преступных деяний [].

Постановление от 25 апреля 2011 года N 6-П/2011

Пункт 4, абз. 2:

Как следует из статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями. Наличие состава правонарушения является необходимым основанием для всех видов юридической ответственности; при этом признаки состава правонарушения, прежде всего в публично-правовой сфере, как и содержание конкретных составов правонарушений, должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами юридической ответственности. В свою очередь, наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения - общепризнанный принцип привлечения к юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно в законе.

Постановление от 17 января 2013 года N 1-П/2013

Пункт 4, абз. 1, 2:

[...] конституционными требованиями справедливости и соразмерности предопределяется дифференциация публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного принуждения. [...] меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации могут быть распространены и на административную ответственность юридических лиц, однако с учетом их специфики как субъектов права.

Пункт 4.2, абз. 6:

[...] в действующей системе правового регулирования применение в отношении

юридического лица значительного по размеру нижнего предела административного штрафа, установленного [частью 5 статьи 19.8](#) КоАП Российской Федерации, не исключает превращения такого административного штрафа из меры воздействия, направленной на предупреждение административных правонарушений, в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности, что [...] недопустимо в силу [статей 17, 19 \(часть 1\), 34 \(часть 1\), 35 \(части 1-3\) и 55 \(часть 3\)](#) Конституции Российской Федерации и противоречит общеправовому принципу справедливости.

[Постановление от 14 февраля 2013 года N 4-П/2013](#)

[Пункт 3.1, абз. 14:](#)

[...] не имея возможности при назначении лицу, совершившему административное правонарушение, предусмотренное [статьями 5.38, 20.2, 20.2.2 или 20.18](#) КоАП Российской Федерации, административного штрафа определить его размер ниже низшего предела, установленного за соответствующее административное правонарушение, судьи вынуждены исходить из минимально возможного размера санкции, который для граждан составляет десять тысяч рублей, а для должностных лиц - пятьдесят тысяч рублей. В такой ситуации применение административного штрафа за нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия или организацию иного массового мероприятия, повлекшего нарушение общественного порядка, не позволяет во всех случаях в полной мере учесть все имеющие существенное значение для индивидуализации административной ответственности обстоятельства, характеризующие как само административное правонарушение, так и личность правонарушителя, и тем самым - по смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в [Постановлении](#) от 17 января 2013 года N 1-П, - не исключает превращение административного штрафа из меры воздействия, направленной на предупреждение правонарушений, в инструмент чрезмерного ограничения права собственности граждан, несовместимого с требованиями справедливости при назначении административного наказания.

[Постановление от 25 февраля 2014 года N 4-П/2014](#)

[Пункт 2, абз. 5:](#)

[] применение одинаковых мер ответственности за различные по степени опасности административные правонарушения без надлежащего учета характеризующих виновное в совершении административно-противоправного деяния лицо обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в [Конституции](#) Российской Федерации идеям справедливости и гуманизма и несовместимо с принципом индивидуализации ответственности за административные правонарушения [...].

[Постановление от 11 декабря 2014 года N 32-П/2014](#)

[Пункт 2, абз. 4:](#)

Реализация [] общеправовых принципов в сфере уголовно-правового регулирования предполагает, с одной стороны, использование средств уголовного закона для защиты граждан, их прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств, а с другой - недопущение избыточного ограничения прав и свобод других лиц при применении мер уголовно-правового принуждения. Соответственно, федеральный законодатель, призванный действовать в общих интересах, обязан обеспечить на основе этих принципов, выступающих конституционным критерием оценки законодательного регулирования прав и свобод человека и гражданина,

дифференциацию предусматриваемых им мер уголовно-правовой ответственности, отвечающую требованиям справедливости, разумности и соразмерности (пропорциональности).

Постановление от 13 декабря 2016 года N 28-П

Пункт 4, абз. 1:

Пункт 3 статьи 1252 ГК Российской Федерации во взаимосвязи с другими положениями данного Кодекса, включая его статьи 1301, 1311 и 1515, закрепляет в числе прочего правила, которыми должен руководствоваться суд при определении размера компенсации в случае, если одним действием нарушены права на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации: в таких случаях размер компенсации определяется судом - в пределах, установленных данным Кодексом, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости - за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации; если же права на соответствующие результаты или средства индивидуализации принадлежат одному правообладателю, общий размер компенсации может быть снижен судом ниже пределов, установленных данным Кодексом.

Постановление от 10 февраля 2017 года N 2-П/2017

Пункт 5.5, абз. 2:

□ разрешение вопроса о размере санкций за предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации преступления является прерогативой федерального законодателя, который, осуществляя выбор тех или иных наказаний, должен руководствоваться конституционными требованиями необходимости и пропорциональности, обязывающими его дифференцировать их в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных факторов, влияющих на индивидуализацию уголовного принуждения; применение одинаковых мер уголовной ответственности за различные по степени общественной опасности преступления без надлежащего учета характеризующих обвиняемого обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации идеям справедливости и гуманизма □.

Постановление от 25 апреля 2018 года N 17-П/2018

Пункт 2, абз. 8:

□ федеральный законодатель, принимая решение о криминализации деяния, обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его общественной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, провести - в силу принципа справедливости - дифференциацию уголовной ответственности, с тем, однако, чтобы при этом не нарушались принципы равенства и правовой определенности.

Пункт 5, абз. 1:

□ последующее [постпреступное] поведение лица, совершившего преступление, принципиально не меняет юридическую оценку общественной опасности, но может быть принято во внимание при уголовно-правовой дифференциации и индивидуализации содеянного.

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

Право на суд присяжных¹

по состоянию на февраль 2019 года

Конституция Российской Федерации

Статья 47

"1. Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

2. Обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом".

Постановление от 2 февраля 1999 года N 3-П/1999

Пункт 4, абз. 2:

[...] право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей выступает особой уголовно-процессуальной гарантией судебной защиты права каждого на жизнь (как основного, неотчуждаемого и принадлежащего каждому от рождения), прямо установленной самой Конституцией Российской Федерации; оно является непосредственно действующим и в качестве такового должно определять смысл, содержание и применение соответствующих положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, равно как и деятельность законодательной власти по принятию, изменению и дополнению этого законодательства, и обеспечиваться правосудием.

Постановление от 19 апреля 2010 года N 8-П/2010

Пункт 2.1, абз. 2:

Право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей не относится к числу основных прав, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения. По смыслу статьи 47 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 123 (часть 4), данное право - в отличие от права на независимый и беспристрастный суд или презумпции невиновности - не входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту, которое не подлежит изменению иначе как в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации (статья 64 Конституции Российской Федерации), а выступает в качестве одной из его возможных процессуальных гарантий, предоставляемых на основе дискреционных полномочий федерального законодателя в соответствии со статьями 71 (пункты "в", "г", "о"), 118 (часть 3) и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Пункт 2.2, абз. 1:

[...] суд с участием присяжных заседателей, будучи одной из процессуальных форм осуществления уголовного судопроизводства, не является обязательным условием обеспечения судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. [...]

Пункт 3, абз. 2:

[...] судопроизводство с участием присяжных заседателей, в котором не профессиональный судья, а коллегия присяжных самостоятельно принимает решение по вопросу о виновности подсудимого, имеет особую конституционно-правовую значимость и, во всяком случае, не допускает произвольный и необоснованный отказ законодателя от этой формы судопроизводства, непосредственно определенной **Конституцией** Российской Федерации применительно к защите права на жизнь как базового для реализации всех иных конституционных прав, при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже предусмотрена.

Пункт 3, абз. 3:

Конкретизируя конституционные предписания о суде с участием присяжных заседателей как законном составе суда по уголовным делам об определенных категориях преступлений и отказываясь по другим делам от этой формы судопроизводства, федеральный законодатель не вправе при установлении перечня уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, нарушать требования справедливости и равенства перед законом и судом и действовать произвольным и дискриминационным образом.

Пункт 3.1, абз. 1:

Само по себе изменение регулирования подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей не ограничивает доступ к правосудию и не затрагивает существо права на законный суд, равно как рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей не является неперенным условием реализации права на судебную защиту как основного и неотчуждаемого права, гарантируемого Конституцией Российской Федерации, а именно **статьей 46** во взаимосвязи со статьями 15 (**часть 4**), 17, 47, 118 и 123, а также со статьей 20 (**часть 2**) по ее смыслу в условиях действующего в Российской Федерации моратория на смертную казнь, и **статьей 6** Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее официальном истолковании Европейским Судом по правам человека.

Пункт 3.1 абз. 2:

[...] изменение подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей не может рассматриваться как ограничение права на судебную защиту: дифференциация процессуальных форм судебной защиты обусловливается обязанностью государства обеспечивать эффективность способов правовой защиты, а не указанными в статье 55 (**часть 3**) Конституции Российской Федерации конституционно значимыми целями охраны основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства

Пункт 5, абз. 4, 5:

[...] субъективное право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей возникает у обвиняемого не с момента заявления им в ходе предварительного расследования соответствующего ходатайства, а лишь с момента принятия решения по данному ходатайству судом, при том что предполагается проверка судом наличия условий для распространения на этого обвиняемого новых правил подсудности, уголовно-процессуальное положение обвиняемого в процессе реализации права на рассмотрение его дела законным судом (**статья 47** Конституции Российской Федерации) не может считать ухудшившимся в смысле статьи 54 (**часть 1**) Конституции Российской Федерации, если ходатайство было заявлено им до даты вступления в силу нового **уголовно-процессуального закона**, согласно которому его дело подлежит рассмотрению судом в составе профессиональных судей.

Соответственно, ходатайство, заявленное обвиняемым после ознакомления с материалами окончательного предварительного следствия, само по себе не предопределяет передачу уголовного дела на рассмотрение суда с участием присяжных заседателей, а влечет лишь обязанность суда назначить по данному основанию предварительное слушание, в ходе которого обвиняемый вправе свое ходатайство подтвердить либо отказаться от него. Назначая судебное заседание, суд руководствуется тем законом (в том числе о подсудности дела), который действует на момент предварительного слушания [...].

Пункт 6, абз. 10:

[...] суд в целях обеспечения справедливости правосудия вправе разрешить в ходе предварительного слушания вопрос о выделении уголовного дела в отношении подсудимых, возражающих против рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей, руководствуясь, в частности, предписаниями [статьи 17](#) "Свобода оценки доказательств" УПК Российской Федерации, на основе предварительной оценки по внутреннему убеждению совокупности собранных доказательств. Иное означало бы, что не суд, а следователь или дознаватель - вопреки вытекающим из [статьи 118 \(часть 1\)](#) Конституции Российской Федерации прерогативам суда - принимали бы окончательное решение о том, отразится ли выделение уголовного дела на всесторонности и объективности рассмотрения и разрешения дела по существу.

Определение от 28 июня 2012 года N 1274-О

Пункт 3, абз. 3:

Принятие судом решения о раздельном рассмотрении дел возможно и в случае, когда в числе преступлений, совершение которых вменяется в вину части подсудимых по уголовному делу, имеется такое преступление, дело о котором в силу осуществленного федеральным законодателем в рамках своих дискреционных полномочий регулирования не подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей. Но даже если в таком случае будет установлено, что разделение дел (в целях удовлетворения ходатайства подсудимого о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей) отразится на всесторонности и объективности их разрешения, всем подсудимым по данному уголовному делу - исходя из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации - в равной мере гарантирован доступ к правосудию, отвечающему требованиям справедливости и обеспечивающему эффективное восстановление в правах.

Пункт 4, абз. 1:

[...] поскольку рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей не является обязательным условием реализации конституционного права на судебную защиту, а положения [пунктов 2 и 3 части второй статьи 30](#) УПК Российской Федерации, как исключаящие определенные категории уголовных дел из подсудности суда с участием присяжных заседателей, не предполагают возможность их рассмотрения этим судом, постольку в целях обеспечения справедливого, всестороннего и объективного разрешения уголовного дела в том случае, когда невозможно выделить в отдельное производство уголовное дело в отношении одного или нескольких подсудимых, заявивших ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, такое уголовное дело не подсудно этому суду, а подлежит рассмотрению в отношении всех подсудимых судом в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции, являющимся законным судом для всех подсудимых. Иное приводило бы либо к нарушению законодательного исключения из подсудности суду с участием присяжных заседателей уголовных дел о соответствующих преступлениях, а потому к разрешению дела незаконным составом суда, либо к рассмотрению уголовного дела в условиях, не отвечающих требованиям справедливого, всестороннего и объективного его разрешения, т.е. к искажению самого существа правосудия и нарушению права на судебную защиту.

Постановление от 20 мая 2014 года N 16-П/2014

Пункт 2, абз. 4:

[...] право на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, как оно определено [статьей 20 \(часть 2\)](#) Конституции Российской Федерации, безусловно распространяется лишь на обвиняемых в совершении тех преступлений, за которые в санкциях

статей Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена смертная казнь, если только согласно **Общей части** данного Кодекса они не относятся к лицам, которым эта исключительная мера наказания не назначается. В остальных случаях - в силу статей 47 (**часть 2**) и 123 (**часть 4**) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 71 (**пункты "в", "г", "о"**), 118 (**часть 3**) и 128 (**часть 3**) - суд с участием присяжных заседателей выступает в качестве должного суда по тем уголовным делам, которые отнесены к его компетенции федеральным законом.

Пункт 3, абз. 5:

С учетом того, что в Российской Федерации действует конкретизирующий закрепленные **Конституцией** Российской Федерации гарантии права на жизнь комплексный мораторий на применение смертной казни и сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни [...], пожизненное лишение свободы в настоящее время фактически замещает смертную казнь, а потому также может сопровождаться предоставлением обвиняемым в преступлениях, за которые предусмотрено его назначение, особых, повышенных гарантий судебной защиты, в том числе права на рассмотрение их дела судом с участием присяжных заседателей.

Пункт 4, абз. 4, 5:

[...] осуществленная федеральным законодателем дифференциация подсудности уголовных дел по признаку наиболее строгого наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, которое не может быть назначено лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, согласно положениям **Общей части** Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающего данные виды наказаний в статьях его **Особенной части**, опирается на объективно обусловленные критерии, вытекающие из принципов гуманизма и справедливости.

В силу этого отнесение уголовных дел о преступлениях, за совершение которых в соответствии с положениями **Уголовного кодекса** Российской Федерации не может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, к подсудности районных судов, не уполномоченных на вынесение приговора с назначением этих наказаний и не рассматривающих уголовные дела составом суда с участием присяжных заседателей, позволяет обеспечить всем лицам, которые обвиняются в совершении указанных преступлений до достижения ими восемнадцати лет, равные процессуальные условия привлечения к уголовной ответственности и равные возможности судебной защиты.

Пункт 5, абз. 5, 7:

[...] специфика разрешения вопросов, связанных с установлением виновности несовершеннолетних в совершении уголовно-противоправных деяний, требует всестороннего учета особенностей их личности, что, в свою очередь, предполагает наличие у судей как субъектов осуществления функции правосудия не только высокой квалификации, но и специальных познаний и навыков, опираясь на которые и используя все механизмы воспитательного воздействия судебной процедуры они должны определять дальнейшую судьбу таких обвиняемых.

Хотя суд присяжных как форма рассмотрения уголовного дела не исключает в принципиальном плане его конфиденциальность, надлежащим образом условия для ее реализации обеспечиваются в более узкой коллегии принимающих решение лиц, профессиональный статус которых подразумевает более щепетильное отношение к соответствующей информации, в нераспространении которой (например, в связи с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы личности), как можно предположить, заинтересованы не только подсудимые, но и потерпевшие. Исходя из этого и учитывая особенности производства по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет, исключение таких уголовных дел из подсудности суда с участием присяжных заседателей - притом что **уголовный закон** устанавливает запрет на назначение несовершеннолетним не только смертной казни, но и пожизненного лишения свободы как наиболее строгих видов наказания - не может рассматриваться как ухудшающее их положение с точки зрения конституционных требований обеспечения гарантий судебной защиты.

Пункт 6, абз. 9:

[...] изъятие из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовных дел, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, - при предоставлении несовершеннолетнему, обвиняемому в соответствующем преступлении, права на рассмотрение его дела коллегией из трех профессиональных судей в качестве дополнительной процессуальной гарантии законного, объективного, беспристрастного и справедливого разрешения дела - в данном случае не может расцениваться как ухудшающее положение несовершеннолетних и вводящее дискриминирующие их по сравнению с совершеннолетними лицами различия в обеспечении эффективной судебной защиты их конституционных прав.

Постановление от 25 февраля 2016 года N 6-П/2016

Пункт 2, абз. 4:

[...] определение федеральным законом подсудности уголовных дел, в том числе подлежащих рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, равно как и изменение ранее установленной подсудности не могут рассматриваться как ограничивающие доступ к правосудию и затрагивающие само существо права на законный суд. [...]

Пункт 3, абз. 5:

[...] в сложившейся системе уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования имеет место дифференциация подсудности уголовных дел определенной категории в зависимости от возможности назначения наиболее строгого вида наказания (каковым в рамках действующего в России конституционно-правового режима неприменения смертной казни является пожизненное лишение свободы). Сама по себе такая дифференциация допустима, поскольку используется федеральным законодателем с целью реализации принципов гуманизма и справедливости в сфере соответствующих правоотношений. Однако, чтобы достичь этой цели, федеральный законодатель обязан соблюдать принцип юридического равенства, закрепленный в том числе статьями 17 (часть 3), 19 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, который гарантирует мужчинам и женщинам равные возможности для осуществления права на судебную защиту и, следовательно, права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, - иное, а именно решение вопроса о предоставлении обвиняемым возможности рассмотрения их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в зависимости от гендерного фактора (только женщинам или только мужчинам) приводило бы к нарушению конституционных гарантий права на судебную защиту.

Постановление от 16 марта 2017 года N 7-П/2017

Пункт 3.1, абз. 4:

[...] обстоятельства, обусловленные пожилым возрастом, такие как ослабленное здоровье, сложности в адаптации к переменам и др., влекут обязанность государства обеспечить поддержку данной категории граждан прежде всего в социальной сфере; пожилой возраст подозреваемых и обвиняемых подлежит учету на основе материально-правовых и процессуальных норм, но сам по себе не обуславливает введение особых процедур государственной защиты их прав, в том числе не предполагает дифференциацию уголовно-процессуальной формы, включая порядок судебного разбирательства по уголовному делу. [...]

Постановление от 11 мая 2017 года N 13-П/2017

Пункт 4, абз. 5:

Изложенные в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации правовые позиции в полной мере применимы к оценке процедуры рассмотрения уголовных дел по обвинению женщин в других преступлениях, за совершение которых в качестве наиболее строгого вида наказания предусматривается пожизненное лишение свободы или смертная казнь, притом что уголовные дела по обвинению мужчин в совершении таких преступлений при тех же условиях могут быть рассмотрены судом в составе судьи и коллегии [...] присяжных заседателей. Соответственно, женщинам в этих случаях должно предоставляться право на рассмотрение дела тем же судом и в таком же составе, что и мужчинам

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

Порядок проведения публичных мероприятий¹

по состоянию на февраль 2019 года

Конституция Российской Федерации

Статья 31

"Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование".

Постановление КС РФ от 18 мая 2012 года N 12-П/2012

Пункт 2, абз. 2:

□ в силу своей природы публичные мероприятия (собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования) могут затрагивать права широкого круга лиц - как участников публичных мероприятий, так и лиц, в них непосредственно не участвующих, государственная защита гарантируется только праву на проведение мирных публичных мероприятий, которое, тем не менее, может быть ограничено федеральным законом в соответствии с критериями, определяемыми требованиями статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, на основе принципа юридического равенства и вытекающего из него принципа соразмерности, т.е. в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Пункт 2, абз. 6:

□ право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования □ не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в конституционно значимых целях. □ такой федеральный закон должен обеспечивать возможность реализации данного права и одновременно - соблюдение надлежащего общественного порядка и безопасности без ущерба для здоровья и нравственности граждан на основе баланса интересов организаторов и участников публичных мероприятий, с одной стороны, и третьих лиц - с другой, исходя из необходимости гарантировать государственную защиту прав и свобод всем гражданам (как участвующим, так и не участвующим в публичном мероприятии), в том числе

путем введения адекватных мер предупреждения и предотвращения нарушений общественного порядка и безопасности, прав и свобод граждан, а также установления публично-правовой ответственности за действия, их нарушающие или создающие угрозу их нарушения.

Пункт 3, абз. 5:

[] орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления не может запретить (не разрешить) проведение публичного мероприятия, - он вправе лишь предложить изменить место и (или) время его проведения, причем такое предложение обязательно должно быть мотивированным и вызываться либо необходимостью сохранения нормального и бесперебойного функционирования жизненно важных объектов коммунальной или транспортной инфраструктуры, либо необходимостью поддержания общественного порядка, обеспечения безопасности граждан (как участников публичного мероприятия, так и лиц, которые могут находиться в месте его проведения в определенное для этого время), либо иными подобными причинами; если проведение публичного мероприятия в заявленном месте невозможно в связи с необходимостью защиты публичных интересов, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления обязан предложить его организатору для обсуждения такой вариант проведения публичного мероприятия, который позволял бы реализовать его цели.

Пункт 3, абз. 8:

[] процедура предварительного уведомления органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления о проведении публичного мероприятия, в том числе о предполагаемой численности его участников, имеет целью реализацию конституционного права граждан Российской Федерации на мирное проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирований в условиях, обеспечивающих соблюдение надлежащего общественного порядка и безопасности, достижение баланса интересов организаторов и участников публичных мероприятий, с одной стороны, и иных лиц - с другой, а также позволяющих органам публичной власти принять адекватные меры по предупреждению и предотвращению нарушений общественного порядка и безопасности, обеспечению защиты прав и свобод как участников публичных мероприятий, так и лиц, в них не участвующих.

Пункт 4.1, абз. 5, 6:

[...] участие в публичном мероприятии большего, чем было заявлено его организатором в уведомлении, количества участников само по себе еще не является достаточным основанием для привлечения его к административной ответственности, равно как и само по себе превышение нормы предельной заполняемости территории (помещения) в месте проведения публичного мероприятия. Административная ответственность за нарушение установленного порядка проведения публичных мероприятий - если речь идет именно о проведении публичного мероприятия - может наступать только в том случае, когда превышение заявленного в уведомлении количества участников публичного мероприятия и создание тем самым реальной угрозы общественной безопасности и правопорядку было обусловлено деянием организатора этого публичного мероприятия или когда организатор публичного мероприятия, допустив превышение количества его участников, не принял меры, которые обязан был принять в соответствии с **Федеральным законом "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях"**, направленные на ограничение доступа граждан к участию в публичном мероприятии, обеспечение общественного порядка и безопасности, что повлекло возникновение реальной угрозы их нарушения, нарушения безопасности как участников публичного мероприятия, так и лиц, в нем не участвовавших, а также причинения ущерба имуществу физических и юридических лиц.

Иное означало бы возможность необоснованного привлечения к административной ответственности организатора публичного мероприятия за действия иных лиц - участников публичного мероприятия, правомерно реализующих свое конституционное право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования, противоречило бы закрепляющей это право граждан Российской Федерации **статье 31** Конституции

Российской Федерации, целям, задачам и принципам [Федерального закона](#) "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях", понятию административного правонарушения, целям и задачам [Кодекса](#) Российской Федерации об административных правонарушениях, закрепленному им принципу личной ответственности физических лиц за совершаемые административные правонарушения.

[Пункт 4.2, абз. 4:](#)

[...] привлечение организатора публичного мероприятия к административной ответственности за нарушение установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования в случае участия в этом публичном мероприятии большего, чем было указано в уведомлении о его проведении, количества участников возможно только при наличии вины непосредственно организатора публичного мероприятия. Иной подход к оценке его действий (бездействия) противоречил бы принципу презумпции невиновности, приводил бы к объективному вменению и тем самым - к вынесению несправедливых судебных решений.

[Постановление от 14 февраля 2013 года N 4-П/2013](#)

[Пункт 2.1, абз. 5, 8:](#)

[] запрет быть организатором публичного мероприятия лицу, два и более раза привлекавшемуся к административной ответственности за соответствующие административные правонарушения в течение срока, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, является мерой административного принуждения обеспечительного характера, направленной на предотвращение нарушений общественного порядка и безопасности граждан при организации и проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований. Как таковая эта мера не сопряжена с повторным наказанием гражданина за совершенные им административные правонарушения, и, следовательно, ее применение не может свидетельствовать об отступлении от требования статьи 50 ([часть 1](#)) Конституции Российской Федерации, по смыслу которого никто не должен дважды нести ответственность за одно и то же правонарушение.

[] [подпункт "а" пункта 1 статьи 2](#) [Федерального закона](#) от 8 июня 2012 года N 65-ФЗ - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования - предполагает, что запрет быть организатором публичного мероприятия может иметь место в отношении конкретного лица только в случае, когда повторное привлечение его к административной ответственности за соответствующее административное правонарушение состоялось в пределах срока административной наказанности, т.е. в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию за ранее совершенное им административное правонарушение, и повлекло назначение административного наказания. Иное приводило бы к не отвечающему требованиям необходимости, соразмерности и пропорциональности ограничению права на свободу мирных собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования и тем самым противоречило бы [статьям 31 и 55 \(часть 3\)](#) Конституции Российской Федерации.

[Пункт 2.2, абз. 3:](#)

Возложение на организатора публичного мероприятия обязанности подать предварительное уведомление о проведении публичного мероприятия преследует цель заблаговременно довести до соответствующих органов публичной власти необходимую информацию о форме, месте (маршруте движения), времени начала и окончания публичного мероприятия, предполагаемом количестве его участников, способах (методах) обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, а также об организаторах и лицах, уполномоченных выполнять распорядительные функции по организации и проведению публичного мероприятия. В противном случае органы публичной власти, не имея адекватного представления о планируемом публичном мероприятии, его характере и масштабах, лишаются реальной возможности исполнить возложенную на них

Конституцией Российской Федерации, прежде всего ее [статьей 2](#), обязанность по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина и принять необходимые меры, в том числе профилактические и организационные, направленные на обеспечение безопасных как для самих участников публичного мероприятия, так и для иных лиц условий проведения публичного мероприятия.

[Пункт 2.2, абз. 7, 8:](#)

При согласовании публичного мероприятия уполномоченные представители публичной власти должны привести веские доводы в обоснование того, что проведение публичного мероприятия в заявленном месте и (или) в заявленное время не просто нежелательно, а невозможно в связи с необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей, и предложить организаторам публичного мероприятия такой вариант, который позволял бы реализовать его цели, включая свободное формирование и выдвижение участниками публичного мероприятия своих требований, в том числе политических, и их доведение до соответствующих адресатов. Организаторы публичного мероприятия, в свою очередь, должны предпринимать разумные и достаточные усилия по достижению возможного компромисса на основе баланса интересов, с тем чтобы реализовать свое конституционное право на свободу мирных собраний. Аналогичного подхода при оценке процедуры согласования публичного мероприятия и обязанностей сторон такого согласования придерживается Европейский Суд по правам человека, по мнению которого в ситуации, когда власти не запрещают публичное мероприятие, а предлагают альтернативное место проведения, его организаторы не могут отвергать без каких-либо убедительных причин предложение властей, позволяющее им провести свое мероприятие в другом месте, в особенности если оно находится в центре города и явно больше по размерам ([постановление](#) от 10 июля 2012 года по делу "Берладир и другие против России").

При недостижении согласия с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления относительно места и (или) времени проведения публичного мероприятия организаторы публичного мероприятия вправе защитить свои права в судебном порядке. Разрешая такой спор, суд - исходя из критериев, закрепленных в [статье 55 \(часть 3\)](#) Конституции Российской Федерации, - оценивает соответствующие решения и действия органа публичной власти с точки зрения их правомерности и обоснованности, с тем чтобы в каждом конкретном случае не допустить несоразмерного ограничения права, гарантируемого [статьей 31](#) Конституции Российской Федерации; при этом судебное рассмотрение должно быть осуществлено на основании действующего процессуального законодательства в максимально короткий срок, как это предусмотрено для рассмотрения споров в сфере избирательных прав, т.е. до даты проведения планируемого публичного мероприятия [].

[Пункт 2.5, абз. 5:](#)

Признание совокупности актов одиночного пикетирования одним публичным мероприятием может иметь место [] только в рамках судебной процедуры, использование которой при решении данного вопроса [] с необходимостью предполагает участие суда как беспристрастного и независимого арбитра и тем самым во многом предопределяет уровень защищенности конституционного права граждан на одиночное пикетирование.

[Постановление от 13 мая 2014 года N 14-П](#)

[Пункт 2, абз. 5:](#)

[] государство вправе и обязано осуществлять регулирующее воздействие на отношения, связанные с организацией и проведением мирных собраний, с тем чтобы на основе соблюдения баланса частных и публичных интересов гарантировать гражданам, их объединениям реальную возможность заявлять и отстаивать свою позицию и выдвигать гражданские инициативы по значимым, с их точки зрения, общественно-политическим вопросам и тем самым оказывать

влияние на деятельность органов публичной власти как непосредственно, так и путем формирования общественного мнения в целях привлечения внимания к соответствующим проблемам и обеспечения своевременного адекватного реагирования на них со стороны публично-властных институтов.

Пункт 2, абз. 8:

[] принимая во внимание, что для достижения целей публичного мероприятия дата (число определенного месяца) его проведения может иметь особое значение, если данное публичное мероприятие неразрывно связано с этой датой или годовщиной определенного события (при этом что на практике существуют достаточно широкие возможности для согласования альтернативных вариантов, касающихся времени и места его проведения в течение того или иного дня), исключение как таковой возможности провести публичное мероприятие в избранный его организатором день - при отсутствии для этого достаточно веских оснований, обусловленных требованиями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, - может рассматриваться как несовместимое с Конституцией Российской Федерации умаление права на свободу мирных собраний.

Пункт 3.3, абз. 3:

[] предполагается, что законодатель субъекта Российской Федерации при выполнении возложенного на него федеральным законом полномочия по урегулированию порядка подачи уведомления о проведении публичных мероприятий - принимая во внимание разнообразие жизненных ситуаций и особую значимость, которую для целей публичного мероприятия может в конкретных условиях приобретать дата его проведения, а также с учетом недопустимости установления помимо явно выраженной воли федерального законодателя каких-либо изъятий в отношении дат проведения публичных мероприятий - не может не вводить для случаев, когда установленный федеральным законодательством срок подачи уведомления полностью приходится на нерабочие праздничные дни, те или иные гарантии своевременной подачи организатором публичного мероприятия уведомления о его проведении. В частности, это может обеспечиваться на основе привлечения гражданских служащих соответствующих органов публичной власти к исполнению служебных обязанностей в нерабочие праздничные дни в целях гарантирования реализации гражданами права на свободу мирных собраний.

Постановление от 10 ноября 2017 года N 27-П/2017

Пункт 2, абз. 3-6:

К числу организационно-правовых основ, предназначенных для налаживания и поддержания устойчивой взаимосвязи депутатов с гражданами, чьи интересы они представляют, относится институт проведения встреч депутатов с избирателями, характеризующий конституционно-правовую природу депутатского мандата с точки зрения как возложенных на депутата полномочий, так и гарантий эффективного осуществления депутатской деятельности, в рамках которой посредством проведения таких встреч депутаты имеют возможность информировать избирателей о своей работе, а избиратели - возможность довести до сведения депутата свои пожелания относительно его деятельности и деятельности представительного органа, в состав которого он входит.

Принимая во внимание комплексный характер этого института, сочетающего публичные начала, обусловленные его принадлежностью к системе мер обеспечения представительной демократии, и частные начала, связанные с реализацией гражданами политической свободы в индивидуальных (основанных на персонифицированных взаимоотношениях с депутатами) и коллективных (предопределенных самой природой встреч депутатов с избирателями, которые могут носить открытый (общедоступный) и массовый характер) формах, нормативно-правовой порядок организации и проведения таких встреч требует соотнесения с порядком осуществления, в том числе другими гражданами, иных конституционных прав и свобод (статья 17, часть 3,

Конституции Российской Федерации). Это обязывает как федерального законодателя, так и правоприменителей, включая суды, находить разумный баланс интересов депутатов и избирателей, частных и публичных интересов иных субъектов, не ставя под сомнение ни саму возможность беспрепятственного осуществления депутатами возложенных на них публичных функций и задач, ни существо права граждан на народное представительство.

[] федеральный законодатель обладает достаточно широкими дискреционными возможностями по определению порядка и условий их проведения, имея при этом в виду, что правовой статус депутата является специальным по отношению к общему правовому статусу личности, а обладание депутатским мандатом подразумевает необходимость ответственного отношения депутата к возложенным на него публичным функциям и задачам. []

Вместе с тем особый публично-правовой статус депутата и нашедшие в нем свое выражение характеристики народного представительства, лежащее в основе депутатского мандата электоральное волеизъявление избирателей обязывают федерального законодателя использовать в целях урегулирования порядка проведения встреч депутатов с избирателями такие правовые конструкции, которые в должной мере учитывали бы специфику депутатской деятельности и создавали бы правовые условия, необходимые для того, чтобы проведение подобных встреч отвечало их предназначению, не влекло угрозу безопасности как для их организаторов и участников, так и для других лиц, не приводило к нарушению прав, свобод и законных интересов граждан, а также не порождало коллизий иных публично значимых конституционных ценностей.

Пункт 3.1, абз. 11, 12:

[] Что касается помещений, предоставляемых органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации (органом местного самоуправления) для проведения встреч депутатов с избирателями, то их перечень должен определяться принимая во внимание пешеходную и транспортную доступность для избирателей; при этом предполагается, что предоставление таких помещений производится без взимания платы в порядке очередности обращения за ними, но с учетом возможности установления приоритета исходя из принадлежности депутата к более высокому уровню публичной власти и не может быть обусловлено его принадлежностью к политической партии или его политическими взглядами.

При установлении же судом уклонения органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации (органа местного самоуправления) от определения в течение разумного срока после вступления **Федерального закона** от 7 июня 2017 года N 107-ФЗ в силу соответствующих помещений и мест в пределах сельского или городского поселения - притом что в его застройке отсутствуют или представлены единично внутриворовые территории в указанном в настоящем Постановлении смысле, т.е. как подходящие для встреч депутатов с избирателями пространства, - проведение встречи с избирателями без соблюдения установленного законодательством Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях требования о необходимости уведомить об этом орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации (орган местного самоуправления) само по себе не должно влечь неблагоприятных правовых последствий для депутата и других участников встречи, поскольку иное - с учетом существенно меньших по сравнению с городскими округами и городами федерального значения рисков, связанных с проведением публичного мероприятия, - противоречило бы конституционному принципу справедливости и соразмерности.

Пункт 3.2, абз. 7:

[] информирование избирателей о своей деятельности при встрече депутата с избирателями является самостоятельной целью публичного мероприятия в соотношении с целью свободного выражения и формирования мнений, выдвижения требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики (**пункт 1 статьи 2** Федерального закона "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях"). Поскольку эти цели содержательно разведены и не могут пересекаться, инициатива избирателей в ходе встречи с депутатом - с учетом цели ее проведения -

предполагает преимущественно выражение пожеланий относительно осуществления депутатом его деятельности и деятельности представительного органа, в состав которого он входит. Соответственно (хотя прямое ограничение по перечню форм публичных мероприятий, которые могут использоваться для проведения встреч депутатов с избирателями, и отсутствует), проведение такого рода встреч возможно и оправданно лишь в форме тех публичных мероприятий, которые по своему характеру пригодны именно для информирования депутатом избирателей о своей деятельности, а также для выражения избирателями пожеланий депутату относительно его деятельности и деятельности представительного органа, в состав которого он входит; использование же специальных (по сути, упрощенных) условий проведения встреч депутатов с избирателями для реализации иных целей, включая выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики, недопустимо.

Пункт 3.2, абз. 11:

В контексте конституционного принципа равенства распространение на встречи депутатов с избирателями, проводимые в форме публичного мероприятия, требований **законодательства** Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях предполагает не только необоснованность проведения таких встреч в форме публичного мероприятия, не релевантной ее специально-целевому назначению, но и недопустимость игнорирования требований указанного законодательства, если по своему характеру и содержанию встречи, проводимые на внутридворовых территориях, выходят за рамки информирования депутатом избирателей о своей деятельности, а выражение пожеланий депутату в отношении его деятельности и деятельности представительного органа, в состав которого он входит, сводится к выражению общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера. Соответственно, депутат обязан прекратить проводимую на внутридворовой территории встречу с избирателями, если, будучи запланированной именно как встреча с избирателями в целях их информирования о своей деятельности, она фактически трансформируется в такое публичное мероприятие, проведение которого даже на внутридворовой территории требует уведомления.

Пункт 4, абз. 6:

□ орган публичной власти не вправе по своему усмотрению отказать в согласовании проведения встречи депутата с избирателями в форме такого публичного мероприятия, о проведении которого требуется уведомление, а может лишь предложить изменить место и (или) время ее проведения, притом что соответствующее предложение должно быть мотивированным и вызываться либо необходимостью сохранения нормального и бесперебойного функционирования жизненно важных объектов коммунальной или транспортной инфраструктуры, либо необходимостью поддержания общественного порядка, обеспечения безопасности граждан, либо иными подобными причинами. □

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

Свобода договора¹

по состоянию на февраль 2019 года

Конституция Российской Федерации

Статья 8

"1. В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности_"

Статья 34

"1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности_"

Постановление от 20 июля 2011 года N 20-П/2011

Пункт 3, абз. 2:

Из приведенных положений Конституции (статья 8, часть 1; статья 34, часть 1; статья 35, части 1-3), 45 и 46 (часть 1) во взаимодействии с ее статьями 1 (часть 1), 7 (часть 1), 19 (часть 1) и 55 (часть 3) следует, что в демократическом правовом и социальном государстве, каковым является Российская Федерация, правовое регулирование отношений в сфере гражданского оборота должно основываться на принципах равенства всех перед законом и судом, неприкосновенности собственности и свободы договора [...].

Определение от 7 февраля 2012 года N 276-О-О/2012

Пункт 2, абз. 1:

[...] Свобода экономической деятельности, по смыслу Конституции Российской Федерации, предполагает, прежде всего, свободу предпринимательства, которая представляет собой универсальный (интегрированный) конституционно-правовой принцип, объединяющий несколько относительно самостоятельных принципов правового регулирования отношений в сфере предпринимательской деятельности (принцип свободы договора, общедозволительный принцип, принцип свободы конкуренции и др.).

Определение от 17 января 2012 года N 13-О-О/2012

Пункт 2, абз. 3:

Выраженные в Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы неприкосновенности и свободы собственности, свободы договора и равенства всех собственников как участников гражданского оборота обуславливают свободу владения, пользования и распоряжения имуществом, включая возможность отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом [...]. Соответственно, предполагается и возможность обеспечения собственником своих обязательств по гражданско-правовым сделкам за счет принадлежащего ему имущества, в том числе относящегося к объектам недвижимости.

Постановление от 18 ноября 2014 года N 30-П/2014

Пункт 3 абз. 5, 6:

предоставление заинтересованным лицам права по своему усмотрению обратиться за разрешением спора в государственный суд (суд общей юрисдикции, арбитражный суд) в соответствии с его компетенцией, установленной законом, или избрать альтернативную форму

защиты своих прав и обратиться в третейский суд - в контексте гарантий, закрепленных статьями 45 (часть 2) и 46 Конституции Российской Федерации, - само по себе не может рассматриваться как их нарушение, а, напротив, расширяет возможности разрешения споров в сфере гражданского оборота. Стороны спора, заключая соглашение о его передаче на рассмотрение третейского суда и реализуя тем самым свое право на свободу договора, добровольно соглашаются подчиниться правилам, установленным для конкретного третейского суда. В таких случаях право на судебную защиту, которая - по смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации - должна быть полной, эффективной и своевременной, обеспечивается возможностью обращения в предусмотренных законом случаях в государственный суд, в частности путем подачи заявления об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

[...] [является правомерным] обращение частных лиц - в пределах реализации ими на основе автономии воли права на свободу договора - к третейскому разбирательству в сфере гражданских правоотношений, где допускается разрешение споров посредством общественного саморегулирования, а публичные интересы обеспечиваются законодательными предписаниями, устанавливающими процедуры третейского разбирательства, что предполагает наличие гарантий справедливости и беспристрастности, присущих любому судебному разбирательству в силу требований статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Постановление от 27 октября 2015 года N 28-П/2015

Пункт 2, абз. 3, 4:

Гражданский кодекс Российской Федерации, называющий свободу договора одним из основных начал гражданского законодательства (пункт 1 статьи 1), предусматривает в качестве ее ограничения, в частности, институт публичного договора, в рамках которого исключается право лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, оказывать предпочтение одному лицу перед другим лицом в отношении заключения и условий публичного договора, за исключением случаев, предусмотренных законом или иными правовыми актами (статья 426 ГК Российской Федерации), и институт договора присоединения, условия которого, определенные одной из сторон, должны приниматься другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом (статья 428 ГК Российской Федерации).

К договорам присоединения относится и договор банковского вклада, условия которого в соответствии с пунктом 1 статьи 428 ГК Российской Федерации определяются одной стороной - банком в стандартных формах и который признается публичным договором, если другой стороной (вкладчиком) является гражданин (пункт 2 статьи 834 ГК Российской Федерации), что позволяет учесть специфику договора банковского вклада с гражданами, которые, заключая его с целью получения процентов по вкладу, осуществляют тем самым экономическую деятельность, и достичь баланса интересов его сторон на основе вытекающих из статей 19 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципов равенства и пропорциональности, не затрагивая при этом самого существа свободы договора.

Постановление от 10 марта 2017 года N 6-П/2017

Пункт 3, абз. 1:

Гражданский кодекс Российской Федерации, называя в числе основных начал гражданского законодательства равенство участников регулируемых им отношений, неприкосновенность собственности, свободу договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в

частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты ([пункт 1 статьи 1](#)), конкретизирует тем самым положения Конституции Российской Федерации, провозглашающие свободу экономической деятельности в качестве одной из основ конституционного строя ([статья 8, часть 1](#)) и гарантирующие каждому право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности ([статья 34, часть 1](#)).

Постановление от 22 июня 2017 года N 16-П/2017

Пункт 2, абз. 1:

[...] право собственности и свобода договора как необходимые элементы конституционного статуса личности, наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.

Уважение частной и семейной жизни¹

по состоянию на февраль 2019 года

Конституция Российской Федерации

Статья 23

"1. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени [...]."

Постановление от 27 июня 2012 года N 15-П/2012

Пункт 2, абз. 9:

[...] возложенная на Российскую Федерацию конституционная обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина и обеспечивать их адекватные гарантии, равно как и принятые ею на себя международные обязательства в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, требуют принятия комплекса мер, направленных на наиболее эффективную защиту прав и законных интересов таких лиц, которые позволяли бы учитывать в каждом конкретном случае их индивидуальные особенности.

Постановление от 9 июля 2013 года N 18-П/2013

Пункт 4.1, абз. 2-4:

[...] если порочащие гражданина сведения, размещенные на сайте в сети "Интернет", признаны судом не соответствующими действительности, владелец сайта или уполномоченное им

лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, должны быть обязаны по заявлению потерпевшего такие сведения удалить. Иное фактически означало бы отказ в защите чести и достоинства гражданина, его доброго имени и репутации, притом что способы защиты, предполагающие, например, сохранение на сайте указанной информации и одновременно - размещение опровергающего ее судебного решения, существенно снижают ее эффективность, тем более когда суд констатирует, что установить распространителя порочащих сведений не представляется возможным.

Возложение на владельца сайта или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, обязанности удалить порочащие гражданина сведения представляет собой не меру ответственности за виновное правонарушение, а законный способ защиты права, что предполагает возможность обращения потерпевшего в суд за защитой нарушенного права в случае, если владелец сайта или уполномоченное им лицо отказываются исполнить эту обязанность в добровольном порядке. В случае уклонения от принятия должных мер суд может обязать владельца сайта или уполномоченное им лицо к их совершению, что не исключает и предъявление к ним потерпевшим требований о возмещении убытков и компенсации морального вреда, причиненных неисполнением судебного решения.

Равным образом гражданин, в отношении которого были распространены порочащие сведения на сайте в сети "Интернет", вправе обратиться в суд с требованием об обязании его владельца или уполномоченного лица, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, удалить эти сведения как не соответствующие действительности, что предполагает установление данного обстоятельства непосредственно в ходе рассмотрения искового заявления. Вместе с тем владелец сайта или уполномоченное им лицо - поскольку они объективно ограничены в возможности определять достоверность информации, размещаемой на сайте третьими лицами, притом что возложение на них такой проверки означало бы отступление от конституционных гарантий свободы слова, - не могут быть безусловно обязаны удалять порочащие гражданина сведения, если их недостоверность неоспорна, в частности не установлена судебным решением, а следовательно, в таких случаях до принятия судебного решения на них не может быть возложена и ответственность за отказ удалить соответствующую информацию с сайта, что не исключает применения иных правовых средств, включая меры по обеспечению иска, позволяющих, в частности, приостановить ее распространение до принятия окончательного решения по судебному спору.

Постановление от 31 января 2014 года N 1-П/2014

Пункт 2, абз. 6, 7:

Особая роль семьи в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная этим конституционная ценность института семьи определяют необходимость уважения и защиты со стороны государства семейных отношений, одним из принципов регулирования которых является приоритет семейного воспитания детей и реализация которых, соответственно, предполагает не только заключение брака, но и закрепление правовой связи между родителем (лицом, его заменяющим) и ребенком. Одним из средств обеспечения этой связи применительно к детям, оставшимся без попечения родителей, служит возможность их передачи в семью на воспитание (усыновление (удочерение), под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью).

Перечисленные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, предусмотренные Семейным кодексом Российской Федерации (пункт 1 статьи 123), с одной стороны, имеют целью обеспечить таким детям надлежащие, в том числе эмоционально-психологические, условия для полноценного развития, а с другой - позволяют

гражданам, в том числе тем, для кого биологическое материнство или отцовство исключено по медицинским показаниям, реализовать естественную потребность в осуществлении родительской заботы. Наличие возможности передать ребенка на воспитание в семью либо, если ребенок уже воспитывается в семье, - юридического оформления фактически сложившихся, содержательно раскрывающих понятие семьи по смыслу Конституции Российской Федерации, отношений согласуется с общеправовым принципом гуманизма, конституционными гарантиями семьи, материнства, отцовства и детства, а также с признанной семейным законодательством целью укрепления семьи. Что касается ограничений такой возможности федеральным законом, то они допустимы исключительно в целях защиты указанных конституционных ценностей, прежде всего - прав и законных интересов ребенка как наиболее уязвимой и зависимой стороны семейных отношений.

Постановление от 12 марта 2015 года N 4-П/2015

Пункт 4.1, абз. 4:

[] принятие в отношении страдающего ВИЧ-инфекцией иностранного гражданина или лица без гражданства, члены семьи которого постоянно проживают на территории Российской Федерации, решения о нежелательности его проживания в Российской Федерации либо об отказе в выдаче ему разрешения на временное проживание в Российской Федерации или об аннулировании ранее выданного разрешения и о депортации такого лица, при отсутствии с его стороны нарушений требований, которые установлены законодательством в отношении ВИЧ-инфицированных лиц, направлены на предотвращение дальнейшего распространения данного заболевания и соблюдение которых не позволяет рассматривать такое лицо в качестве несущего повышенные риски для окружающих сверх обусловленных свойствами данного заболевания (как они выявлены медициной на сегодняшний день), а также при отсутствии иных обстоятельств, свидетельствующих о необходимости применения к нему подобных ограничений, не может быть признано соразмерным и адекватным конституционно значимым целям и ценностям.

Постановление от 16 июня 2015 года N 15-П/2015

Пункт 5.1, абз. 1-3:

В ситуациях усыновления сведения о происхождении ребенка, хотя они и имеют конфиденциальный характер, могут оказаться незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи и выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека, включая тайну имени, места рождения и иных обстоятельств усыновления, в частности при необходимости выявления (диагностики) наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками и т.д. В таких случаях речь идет об удовлетворении лицом определенного информационного интереса, который состоит в том, чтобы знать о происхождении своих родителей, о своих предках.

Соответственно, юридическая возможность предоставления потомкам усыновленного лица информации, касающейся его усыновления, после его смерти - при отсутствии высказанной его усыновителями при жизни воли на раскрытие тайны усыновления - не может рассматриваться как не имеющая необходимого конституционного обоснования. Будучи направленной на обеспечение баланса конституционно защищаемых ценностей, реализация данной возможности не только способна внести определенность в имеющие длящийся характер семейные отношения членов семьи усыновленного и его усыновителей, их потомков, но и позволяет оценить целесообразность дальнейшего сохранения тайны усыновления исходя из необходимости соблюдения всего комплекса прав биологических родителей и членов их семьи (право на неприкосновенность

частной жизни, права как субъектов персональных данных и пр.): интерес потомков усыновленного в раскрытии этой тайны - не единственный подлежащий защите интерес, а его особая, преимущественная защита могла бы создать предпосылки для нарушения баланса прав и обязанностей всех участников сложной системы правоотношений, сопровождающих процедуру усыновления.

При этом одним из важных факторов, определяющих эффективность достижения указанного баланса, является обеспечение возможности судебного контроля за законностью решения уполномоченного органа об отказе в предоставлении соответствующей информации потомкам усыновленного, предназначение которого как способа разрешения правовых споров на основе независимости и беспристрастности в силу взаимосвязанных положений статей 46 (часть 1) и 120 Конституции Российской Федерации предопределяет право заинтересованных лиц обратиться в суд за разрешением спора (за защитой нарушенного или оспариваемого права либо охраняемого законом интереса в установленном законом порядке).

Пункт 5.3, абз. 1:

[...] положения [статьи 139](#) Семейного кодекса Российской Федерации и [статьи 47](#) Федерального закона "Об актах гражданского состояния", как направленные на сохранение тайны усыновления ребенка, относящейся к сфере неприкосновенности частной жизни, семейной или личной тайны, не противоречат [Конституции](#) Российской Федерации, поскольку, будучи гарантией стабильности усыновления, защиты прав и интересов членов семьи, уважения их личной и семейной жизни и тем самым - защиты института семьи, по своему конституционно-правовому смыслу и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации не дают оснований для вывода об отсутствии у суда общей юрисдикции права в каждом конкретном случае решать вопрос о возможности предоставления потомкам усыновленного сведений об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей в объеме, необходимом для реализации ими права знать свое происхождение (происхождение своих родителей), обеспечивающем поддержание баланса конституционно защищаемых ценностей, а также прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений

Постановление от 15 ноября 2016 года N 24-П/2016

Пункт 2.2, абз. 4:

[...] правовое регулирование порядка предоставления свиданий осужденным к лишению свободы с членами их семей должно, не препятствуя процессу исполнения наказания и не создавая угрозы для общественной и личной безопасности, учитывать признаваемые государством непротивоправные интересы этих лиц, обеспечивать как исправление осужденного, так и сохранение, поддержку социально полезных семейных отношений, не допуская чрезмерного (по длительности или по объему) вмешательства в частную жизнь, необоснованных или недифференцированных ограничений, не зависящих от характера поведения осужденного или его близких, что требует нахождения баланса соответствующих публичных и частных интересов.

Определение от 28 марта 2017 года N 619-О

Пункт 2, абз. 5, 6:

Особая ответственность за сохранение жизни и здоровья несовершеннолетних, а также за их воспитание в условиях, обеспечивающих полноценное психическое, духовное, нравственное и физическое развитие, лежит на их родителях, опекунах и попечителях.

Соответственно, установление ограничений права на назначение опекуном (попечителем) ребенка отвечает международным обязательствам Российской Федерации и согласуется с

закрепленными Федеральным законом "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" целями государственной политики в интересах детей, включая осуществление предусмотренных Конституцией Российской Федерации прав детей, недопущение их дискриминации, упрочение основных гарантий их прав и законных интересов, формирование правовых основ гарантий прав ребенка, содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей и защиту от факторов, негативно влияющих на их развитие (пункт 1 статьи 4).

Постановление от 29 мая 2018 года N 21-П/2018

Пункт 5, абз. 2:

[] суды, разрешая дела, связанные с отказом территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере миграции в принятии к рассмотрению заявления иностранного гражданина о продлении срока действия вида на жительство и документов к нему в случае пропуска установленного законом срока подачи такого заявления, не вправе, ссылаясь на отсутствие прямо предусмотренных действующим правовым регулированием оснований для продления пропущенного срока, ограничиваться констатацией формального соответствия этого отказа закону и конкретизирующему его подзаконному правовому регулированию, если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что между Российской Федерацией и данным иностранным гражданином сложилась устойчивая связь, обусловленная его длительным, значительно превышающим однократный срок действия вида на жительство, проживанием в Российской Федерации на законных основаниях, а в силу объективных обстоятельств использование обычного (предусмотренного нормативным регулированием) правового механизма легализации нахождения данного иностранного гражданина на территории Российской Федерации создает существенные риски для реализации гарантированных ему Конституцией Российской Федерации прав и свобод.

Постановление от 20 июня 2018 года N 25-П/2018

Пункт 3.2, абз. 5:

[] поскольку контакт усыновителя с усыновленным - в силу того, что они проживают в одном пространстве и что усыновитель осуществляет за усыновленным уход и заботится о нем, - объективно может оказаться ближе, чем обычные контакты через воздух, еду и воду, законодатель вправе проявлять определенную осторожность в регулировании вопроса об усыновлении при наличии у усыновителя ВИЧ-инфекции и (или) гепатита С, для которого характерны аналогичные ВИЧ-инфекции способы передачи. Следовательно, установленное в системе действующего правового регулирования ограничение на усыновление детей соответствующей категорией лиц - учитывая возложенную на государство Конституцией Российской Федерации, ее статьями 7 (часть 2), 20 (часть 1), 38 (часть 1) и 41 (часть 1), обязанность по защите прав несовершеннолетних и гарантированию им в приоритетном порядке права на жизнь и права на охрану здоровья как неотъемлемых и неотчуждаемых, принадлежащих каждому от рождения и охраняемых государством - направлено на то, чтобы не подвергать здоровье усыновляемых детей чрезмерному риску со стороны усыновителей, что в целом отвечает конституционно значимой цели - защите прав и законных интересов ребенка и само по себе не может расцениваться как нарушающее Конституцию Российской Федерации.

Пункт 3.3, абз. 4, 5:

Устанавливая в целом оправданные [] ограничения, взаимосвязанные положения подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня

заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, вместе с тем - в силу своего императивного характера - рассматриваются в судебной практике как предполагающие отказ гражданину, намеревающемуся усыновить ребенка, в удовлетворении заявленного требования при формальном подтверждении одного только факта наличия у него ВИЧ-инфекции и (или) гепатита С.

Тем самым - в нарушение предписаний статей 7 (часть 2), 19 (часть 1), 38 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов о правах ребенка - исключается возможность учета в конкретных жизненных ситуациях всех заслуживающих внимания обстоятельств, в том числе свидетельствующих [], что ребенок уже проживает в семье гражданина, намеревающегося его усыновить, а усыновление позволяет лишь юридически оформить сложившиеся между ними отношения родителя и ребенка, не увеличивая (ввиду их нахождения в одном жизненном пространстве) риски для его здоровья.

¹ Настоящее информационно-тематическое собрание правовых позиций подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации и не является исчерпывающим. Решения КС РФ, в которых содержатся правовые позиции, даны в хронологическом порядке.